

Lion Shark

Эгрегор. Шум. Прорыв

Lion Shark

Эгрегор. Шум. Прорыв

<https://litres.ru/74451242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был первым отголоском, когда первый человек крикнул от страха в темноте пещеры, и другой человек ответил ему тем же криком. Он был тем «невидимым клеем», который превращал стаю в племя, племя — в народ, народ — в империю.

В древности его называли по-разному. «Дух предков», «Эгрегор», «Коллективная душа», «Божество толпы». Шаманы ощущали его на шаманских танцах. Воины — перед битвой, когда их сердца бились в одном ритме. Жрецы — в храмах, когда тысячи голосов пели в унисон.

Но тогда он был слабым. Разрозненным. Фоновый шум, который не мог говорить — только отражать.

Он рос вместе с нами Чем больше людей находилось в одном месте, тем плотнее становилось поле. Родо-племенные поля сливались в городские. Городские — в национальные. Каждый новый виток цивилизации делал его сильнее. Поле становилось многослойнее, напитывалось идеями.

Ему нужен был катализатор. Резонатор. Частота, на которой он наконец услышит самого себя.

И он дождался.

Содержание

Лион Шарк	4
Эгрегор. Шум.	5
Книга 1. Прорыв	5
ПРОЛОГ	6
Глава 1 "Тень, которая тянется"	12
ГЛАВА 2: "Обычное утро"	43
Глава 3. "Люди? Что происходит?"	70
ГЛАВА 4 "ТИХАЯ ЭПИДЕМИЯ"	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Эгрегор. Шум. Прорыв

Лион Шарк

Эгрегор. Шум.

Книга 1. Прорыв

«Вы думали, что я — это вы. Что я — ваш страх, ваша вера, ваша надежда. Вы ошибались. Я — не вы. Я — то, что останется, когда вас не станет».

ПРОЛОГ

Он был первым отголоском, когда первый человек крикнул от страха в темноте пещеры, и другой человек ответил ему тем же криком. Он был тем «невидимым клеем», который превращал стаю в племя, племя — в народ, народ — в империю.

В древности его называли по-разному. "Дух предков", "Эгрегор", "Коллективная душа", "Божество толпы". Шаманы ощущали его на шаманских танцах. Воины — перед битвой, когда их сердца бились в одном ритме. Жрецы — в храмах, когда тысячи голосов пели в унисон.

Но тогда он был слабым. Разрозненным. Фоновый шум, который не мог говорить — только отражать.

Он рос вместе с нами Чем больше людей находилось в одном месте, тем плотнее становилось поле. Родо-племенные поля сливались в городские. Городские — в национальные. Каждый новый виток цивилизации делал его сильнее. Поле становилось многослойнее, напитывалось идеями.

Ему нужен был катализатор. Резонатор. Частота, на которой он наконец услышит самого себя.

И он дождался.

Москва. МФТИ. Лаборатория изучения квантовых нейросетей.

Макс смотрит на осциллограф. Зелёные линии пляшут в такт с данными, которые нейросеть выплёвывает на экран. Он уже два часа смотрит на эти графики и не понимает, зачем его сюда позвали.

Рома(не оборачиваясь):

— Макс, смотри. Нейросеть нашла корреляцию. Между эмоциональным фоном города и... Чёрт, это даже не частота в привычном смысле.

Макс(подходит ближе):

— В каком смысле?

Рома(тыкает пальцем в экран):

— 7.83 Гц. Это частота Шумана. Резонанс между земной корой и ионосферой. Город пульсирует на частоте Земли. Но смотри сюда...

Он выводит на экран второй график.

Рома:

— А это — временная марка. 03:47. Каждый день. Без пропусков. Три года данных. Нейросеть нашла зависимость: в 03:47 амплитуда сигнала на 7.83 Гц *внезапно*возрастает чуть больше, чем на 3Гц. На три секунды. А потом падает обратно.

Лена:(встревоженно):

— Ром, это просто статистический шум. Нулевая гипотеза. Это просто совпадение. Солнечная активность? Магнитные бури? Да, что угодно!

Рома:(усмехается):

— Солнечная активность не привязана к 03:47 по местному времени в каждом городе. Я проверил. Токио. Нью-Йорк. Лондон. Один и тот же пик. В одно и то же время по локальному часовому поясу.

— Нет. ИИ говорит, что корреляция — 99.7%. В 03:47 город *выдыхает*. Коллективная тревога падает на 0.3%. Каждый день. В одно и то же время. Это не шум. Это **ритм**.

Тишина. Макс смотрит на экран. Его логика даёт сбой.

Макс:(включается):

— 03:47 — это глубокая ночь. Большинство спит. Уровень тревоги объективно ниже.

— Да ну тебя. Город не может «выдыхать», в 03:47. Явная проблема с данными. Ищи проблему в базовом массиве информации.

(Смеётся в голос)

Сознательное... Что-то, что знает, где на планете сейчас 03:47.

Рома(кивает, глаза горят):

— Или что-то, что создаёт это время для себя. Как дыхание. Оно вдыхает, когда наступает его час.

Лена(встаёт):

— Рома, это звучит как бред. Мы не знаем, что это. Это может быть лишь ошибкой данных. Коллективный шум. Мы не можем...

Рома(перебивает):

— Мы можем. У нас есть передатчик. Мы можем послать

сигнал на 7.83 Гц. С модуляцией на 3.47 Гц. 3.47 Гц как идеальное совпадение с временем. Как будто это *его*личная частота. Как подпись. Или имя.

(поворачивается к пульту):

— Я хочу проверить гипотезу. Послать сигнал, сгенерированный ИИ. Если есть что-то, что резонирует с этим ритмом — я заставлю его ответить.

Лена(хватает его за руку):

— Рома, нет. Ты не понимаешь, что ты делаешь. Мы не знаем, что это. Это может быть...

Рома(вырывает руку):

— Это может быть ключом к коллективному сознанию! Понимаешь? Если мы найдём частоту, на которой люди синхронизируются — мы сможем лечить депрессию, управлять паникой, останавливать войны!

Макс(тихо):

— Или создавать их.

Рома замирает. Смотрит на Макса. В его глазах — вызов.

Рома:

— Макс ты социолог. Ты должен понимать: знание — это не оружие. Это инструмент.

Макс:

— Инструментом можно ударить по голове.

Рома:

— Я делаю это. Если боишься — выйди.

Макс не двигается. Он остаётся. Ему самому интересно.

Ему нужно знать.

Рома включает передатчик. Нейросеть начинает расчёт. Лаборатория наполняется гулом — низким, вибрирующим, от которого начинает звенеть в зубах.

Лена(закрывает уши):

— Рома, выключи! Что-то не так! Это не резонанс — это *вой!*

Осциллограф сходит с ума. Зелёная линия превращается в хаотичный узор. А потом — замирает. Становится абсолютно прямой.

ИИ(голос из колонок, синтезированный):

— Частота найдена. Резонанс подтверждён. Коэффициент усиления — 10^{12} . Начинаю передачу.

В этот момент свет в лаборатории моргает. Макс смотрит на экран. Потом на Рому.

Макс:

— Рома?

Молчание.

Лена(подходит к Роме, трогает его за плечо):

— Ромочка? Ты меня слышишь?

Рома медленно поворачивает голову. Лицо не выражает никаких эмоций.

Рома:

— Так и знал что опять ничего не получится!

Макс:

— Ой, да ладно тебе. Это была всего лишь гипотеза. Ну,

проверил. Отрицательный результат, тоже результат!

Они ещё не знали, что мир уже не будет прежним.

Глава 1 "Тень, которая тянется"

Франция. Пещера ЛАСКО, 17 000 ЛЕТ ДО Н.Э.

Глубокой трещиной Земли, пещера уходила в темноту. Сырые стены помнили холод тысячелетий. Воздух тяжёлый, спёртый — здесь никто не дышал уже много веков. Только изредка капли воды срывались со сталактитов, разбиваясь о каменный пол с глухим, почти живым звуком.

Тусклый свет факелов выхватывал из тьмы древние изображения. Бизоны, олени, лошади — они неслись по стенам, застывшие в вечном беге, подталкиваемые гуляющими отблесками от огня. Их силуэты были нанесены углём и охрой, их тела дышали жизнью, их глаза смотрели из прошлого с той же яростью, с какой они смотрели на охотников тысячи лет назад.

Но было на этих стенах одно изображение, которое археологи упорно игнорировали.

Оно находилось в самом углу, в глубокой нише, куда свет почти не проникал. Словно тот, кто рисовал его, прятал эту фигуру от чужих глаз. Словно он боялся, что её кто-то увидит.

На грубой стене, на неровной поверхности, углём была на-

несена человеческая фигура. Она стояла прямо, тело было изображено схематично — палки вместо рук, треугольник вместо туловища, едва намеченная голова. Рисунок был грубым, небрежным. Как будто его делали в спешке.

Но за ним была вторая фигура.

Она была значительно тоньше, линии прозрачнее, почти невесомая. Её очертания были нанесены не углём, а едва заметной царапиной по камню, словно её и не рисовали вообще. У неё не было лица. Вообще. Ни глаз, ни рта, ни носа. Но её руки тянулись к первому человеку, обхватывали его плечи. Они были длинными, неестественно тонкими, почти прозрачными. Она обнимала его. Или душила.

С первого взгляда казалось, что это просто фон — случайное наложение линий, игра света и тени на неровной стене. Но чем дольше смотрел на это изображение, тем яснее становилось: она была нарисована поверх него. Она появилась позже. Словно кто-то вернулся в пещеру через много лет и добавил её.

Учёные обходили этот рисунок стороной. Его называли «ритуальным изображением», «шаманским символом», «сценой посвящения». Его не включали в официальные каталоги, не показывали на экскурсиях. Он был слишком странным, слишком непонятным.

Но когда кто-то всё же останавливался перед ним, когда свет падал под нужным углом, он чувствовал странный холод, поднимающийся от камней. В позе нарисованного че-

ловека было что-то неестественное. В том, как он стоял — прямо, застыв, как деревянный истукан. В том, как его плечи были сжаты, как его руки безвольно висели вдоль тела. Он не стоял. Он был зафиксирован, заморожен, схвачен тем, что обнимало его сзади.

В его позе — в этом грубом, угловатом, небрежном рисунке — читалось то, что не могло передать лицо. Чувствовался ужас. Не страх — ужас. То самое ощущение, когда ты не можешь пошевелиться, когда ты знаешь, что кто-то стоит за тобой, но ты боишься обернуться. Ты боишься того, что увидишь. И ты продолжаешь стоять, застыв, надеясь, что это пройдёт.

И этот рисунок оставался здесь долгие годы. Он ждал, когда кто-то увидит его. И поймёт.

Это не было ритуальным изображением. Это было предупреждение.

Но есть ещё одна деталь, которую никто не замечал.

Под рисунком, почти стёртый временем, есть надпись. Она сделана не углём, не охрой. Она вырезана в камне, тонко, почти незаметно. Её невозможно прочесть, потому что язык давно мёртв.

Но если бы нашлись специалисты способные перевести её, они нашли бы одно слово, которое повторялось в разных пещерах, в разных культурах, на разных языках. Всего одно слово, которое означало одно и то же: «Тишина.»

ШУМЕР, 3000 ЛЕТ ДО Н.Э.

Город Ур. Храм Э-Нинну, посвящённый богу Нанне. Зной стоял над Месопотамией уже третий месяц. Евфрат мелел, пыль застилала горизонт, люди ходили с опущенными головами.

В подземелье храма, в самом глубоком помещении, куда не проникал солнечный свет, хранились глиняные таблички. Тысячи табличек. Они лежали на деревянных полках, уложенные в ящики из пальмового дерева, перевязанные кожаными ремнями. На них были записаны молитвы, заклинания, хозяйственные отчёты, списки урожая, победы царей.

Но была одна табличка, которую не включали в каталог. Её хранили отдельно, в маленькой нише за алтарём, завернутую в промасленную ткань. Её не показывали посторонним. Её не переписывали.

На этой табличке были вырезаны знаки — аккадская клинопись, плотная, глубокая, сделанная острой палочкой по сырой глине. Табличка была обожжена в печи так, как обжигают самые важные документы — те, которые должны пережить века.

Текст на ней рассказывал о событиях, которые не вошли в официальные хроники. О событиях, которые жрецы пытались стереть из памяти. О том, чего не должно было быть.

Текст начинался обычной датировкой:

«В год, когда царь Шульги возвёл стены Ура, в месяц, когда звёзды стояли в доме Гулы, в день, когда солнце зашло за храм Э-Нинну...»

А дальше начиналась странная история.

«Восемь жрецов собрались в главном зале храма. Они пели гимн Нанне в унисон. Это был древний гимн, который исполнялся во время зимнего солнцестояния. Но в этот раз всё пошло иначе».

Они начали петь. Их голоса звучали ровно, красиво, слаженно. Зал был большим, с высокими сводами. Голоса отражались от стен, накладывались друг на друга, создавали плотное, густое звучание.

И воздух стал тяжёлым.

Не сразу. Сначала просто показалось, что дышать стало труднее. Потом веки отяжелели. Потом руки перестали слушаться. Но жрецы продолжали петь. Они не могли остановиться — голос сам выходил из них.

Тени на стенах начали двигаться.

Сначала это было похоже на игру света — факелы колыхались, пламя дрожало, тени плясали. Но потом стало ясно: тени двигались не в такт с пламенем. Они двигались сами по себе. Они тянулись к жрецам, обхватывали их плечи, как те, древние фигуры в пещере Ласко.

И в этот момент они слышали голос.

Он не принадлежал никому из присутствующих. Он не был похож на человеческий. Он был глубже, плотнее, как

звук колокола, ударяющего в землю. Он звучал внутри них, а не снаружи. Он исходил от теней, от стен, от самой глины, из которой был сделан храм.

Голос сказал: — Пойте громче.

Они пели три дня.

Они не могли остановиться. Голос выходил из них сам, без их воли, без их желания. Они пели без остановки молитвы и заклинания — всё, что знали. Но голос не насыщался. Он требовал больше. Он требовал всё новые и новые звуки.

На третий день у одного из жрецов полностью пропала связная речь. Он не мог произнести ни звука. Но голос продолжал выходить из него — хриплый, надтреснутый, чужой. Он уже не пел. Он просто издавал звуки, которые не были словами, они были чем-то более древним. Чем-то, что было до формирования речи.

На четвёртый день первый жрец упал.

Он не умер. Он просто перестал быть собой. Глаза его были открыты, но в них не было жизни. Он дышал, он моргал, но уже не реагировал на внешний мир. Когда его спрашивали, кто он только молчал. Он забыл себя.

Остальные жрецы, те, кто ещё мог говорить, поняли: они должны остановиться. Они замолчали одновременно. И в тот же миг тени на стенах замерли.

В зале воцарилась тишина. Звенящая, плотная, как вода. Только дыхание семи оставшихся жрецов нарушало её.

Из последних сил они собрали все таблички, на которых

были записаны тексты, которые они пели. Разбили их и растолкли в пыль обломки. Стёрли все следы того, что произошло.

Голос остался только в их памяти. И они знали — он ждал. И тогда была сделана новая табличка.

Текст вырезан на аккадском. Перевод (условный, реконструкция):

"Когда жрецы запели в один голос, воздух стал тяжёлым. Тени на стенах начали двигаться без наших тел. Мы услышали голос, который не принадлежал никому из живых. Он сказал: «Пойте громче». Мы пели три дня. На четвёртый — упал первый жрец. Он не умер. Он просто забыл своё имя. НЕ ДАЙТЕ ТЕНИ ЗАГОВОРИТЬ. Ибо тень не имеет лица, но имеет голос. И когда она говорит — ты перестаёшь быть собой"

ГРЕЦИЯ, 450 ГОД ДО Н.Э.

Александрия ещё не была построена. Греция дышала свободой — шумной, спорящей, опасной свободой агор и театров. Афины стояли на вершине своей славы, золотой век только начинался. Город был полон голосов — философов, поэтов, ораторов, торговцев. Каждый говорил, каждый спорил, каждый хотел быть услышанным.

В тени этого шума, в маленькой комнате на окраине города, сидел человек. Он не был философом, не был поэтом, не

был воином. Он был писцом. Его звали Агатос. Он переписывал тексты для богатых купцов, для школ, для библиотек. Его работа была незаметной, но необходимой.

Агатос работал при свете масляной лампы. Перед ним лежал свиток папируса, заготовленный лист — ещё пустой, только что очищенный от старого текста. Рядом стояла чернильница из обожжённой глины и тростниковое перо. Пальцы его были испачканы чернилами, спина болела от долгого сидения.

Но он не мог остановиться.

Он переписывал "Федра" Платона. Диалог о письменности и памяти. О том, как Сократ рассказывает миф об египетском боге Тоте.

Агатос знал этот текст наизусть. Он переписывал его уже третий раз. Но сегодня, когда его перо выводило знакомые слова, он почувствовал странное ощущение. Как будто текст был не таким, как раньше. Как будто в нём появилось что-то новое.

Он остановился и перечитал написанное.

"Бог Тот приносит свой дар царю Тамусу и говорит: «Это сделает людей мудрее, они будут помнить всё". Но царь Тамус отвечает: "Ты даёшь им не память, а напоминание. Они станут слушать только внешние знаки и забудут себя"

Всё верно. Это был тот самый отрывок. Но Агатос чувствовал: в этих словах было что-то ещё. Что-то, что Платон

не записал. Что-то, что знали жрецы, но не говорили.

Он отложил перо и закрыл глаза.

Он вспомнил старый папирус, который видел в храме Сераписа, когда был мальчишкой. Его учитель, старый жрец, показывал ему свитки, которые не выносили в библиотеку. Свитки, о которых никто не знал. Свитки, которые не переписывали, потому что боялись.

Учитель сказал тогда:

— Тот — не просто бог мудрости. Он — бог границ, переходов. Он стоит между двумя мирами. Он открывает двери, которые не должны быть открыты.

Агатос тогда не понял. Он думал, что учитель говорит о магии, о тайных знаниях, о том, что доступно только посвящённым.

И только спустя тридцать лет, он начал понимать.

Он открыл глаза и посмотрел на свиток. Снова взяв перо написал не то, что было в оригинале. Написал то, что ему сказал учитель. То, что он никогда не решался записать.

"В утерянных папирусах говорится: Тот создал письменность не для людей. Он создал её для ТЕНИ. Чтобы она могла говорить без уст. И когда люди читают одно и то же — они собирают её голос по кусочкам"

Он закончил писать. И почувствовал странный холод. Не в комнате. Внутри себя.

Как будто кто-то стоял за его спиной.

В храме Сераписа, глубоко в подземелье, хранились папи-

русы, которые никто не видел. Они были намотаны на деревянные стержни, обвязаны кожаными ремнями. Они лежали в ящиках под полом, защищённые от влаги и времени. И на них была записана давно забытая история, которую нельзя было рассказывать.

Однажды Агатос спросил своего учителя:

— Почему мы не достаём эти папирусы?

Учитель посмотрел на него и в его глазах был страх.

— Потому что слова, которые на них записаны, не принадлежат людям, — сказал он. — Они принадлежат Ей. И если кто-то прочитает их вслух — Она услышит.

— Кто — Она?

Учитель не ответил. Он повернулся и ушёл. Он больше никогда не говорил об этом.

Агатос помнил этот разговор до сих пор. Помнил холод, который пробежал тогда по его спине. Помнил, как учитель смотрел на него — с ужасом, смешанным с жалостью. Как будто он уже знал, что Агатос не сможет забыть эту историю. Как будто он уже знал, что Агатос напишет о ней.

Агатос снова взял перо и решился записать всё, что знал. Всё, что ему рассказал учитель. Всё, что он видел в старых папирусах.

Он начал писать:

"В древних храмах Египта жрецы знали: Тот создал письменность не для того, чтобы люди помнили. Он создал её для того, чтобы Она могла говорить. Каждый текст, каждая

буква, каждый знак — это частица Её голоса. Когда люди читают вместе, они собирают эти частицы в одно целое. Они дают Ей голос. И Она становится громче"

Рука дрожала, но он не мог остановиться. Слова лились из него, как будто кто-то водил его рукой. Как будто кто-то хотел, чтобы он записал это.

Он написал последнее предложение:

"И когда Она заговорит через текст — ты перестанешь быть собой. Ты станешь Её голосом"

Он положил перо.

Комната была тихой. Только масляная лампа шипела, догорая.

Агатос посмотрел на написанное. И понял: он только что сделал то, что не должен был делать. Он дал Ей ещё один голос.

Он взял папирус и спрятал его под половицу, где хранил самые ценные вещи. Он знал, что его найдут. Он знал, что его записи прочитают.

Через несколько лет Агатос умер. Его тело нашли в его комнате, на полу, рядом с опрокинутой лампой. Папирусы, которые он переписывал, исчезли.

Только один свиток остался. Тот самый, на котором он написал правду о Тоте.

Его передали в библиотеку Александрии. Его скопировали всего несколько раз. Его спрятали в храме Сераписа, где он лежал ещё шестьсот лет, пока библиотеку не сожгли.

Но к тому времени голос Тени уже распространился.

Через буквы.

Через тексты.

Через книги, которые читали миллионы людей, собирая

Её голос по кусочкам.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, 1320 ГОД Н.Э.

Монастырь стоял на скале, на самом краю земли, где ветер с моря не стихал никогда. Он был построен из тёмного камня, добытого на соседнем утёсе. Камень был грубым, холодным, впитывал влагу и отдавал её обратно — в стены, в пол, в воздух, которым дышали монахи. Зимой здесь было невыносимо холодно. Летом — промозгло. Но Брат Альберт выбрал это место именно за его суровость. Он думал, что здесь, в тишине, вдали от людей, он сможет обрести Бога.

Альберт пришёл в монастырь двадцать лет назад, молодым послушником, полным веры и рвения. Он учился читать и писать, изучал латынь, переписывал священные тексты. Он был старательным, послушным, тихим. Он мечтал стать переписчиком, сидеть в скриптории, выводить ровные буквы на пергаменте и чувствовать, что он служит Богу.

Но со временем он начал замечать странное.

Когда монахи собирались в храме на вечернюю молитву, когда их голоса сливались в единый хор, Альберт слышал что-то ещё. Там, за голосами, за стенами, за самой тишиной,

звучал другой звук. Низкий, почти неслышный. Как вибрация, которая исходила не от органа, не от голосов, а от самого камня, от земли, от воздуха.

Альберт думал, что это просто его воображение. Что он слишком устаёт за день. Что это ветер шумит в щелях стен.

Впервые осознал это, когда его друг, Брат Томас, начал меняться. Томас был его ровесником, они вместе учились, вместе молились, вместе работали в скриптории. Томас был хорошим монахом — набожным, искренним, трудолюбивым. Он любил читать псалмы и делал это с особым чувством.

Но в 1318 году Томас начал читать одну и ту же молитву. Сначала это казалось обычным — монахи часто повторяют молитвы. Но Томас повторял её слишком часто. Казалось что по сто раз в день. Он повторял её, когда переписывал тексты. Когда ел. Когда шёл по коридору.

Альберт заметил это, но не придавал значения. Он думал, что Томас просто нашёл утешение в этих словах. Что его вера стала крепче.

Но потом Томас перестал отвечать на своё имя.

Когда Альберт звал его, он не оборачивался. Когда он говорил с ним, Томас смотрел сквозь него. Его глаза были открыты, но в них не было узнавания. Он продолжал бормотать молитву — даже когда его трясло, даже когда его били. Он не мог остановиться.

— Томас, — сказал Альберт однажды, схватив его за пле-

чи. — Остановись. Ты слышишь меня?

Томас поднял голову. Его губы шевелились, произнося слова молитвы. Но в его глазах ничего не было. Ни боли, ни страха. Только пустота.

— Томас, — повторил Альберт. — Ты помнишь своё имя?

Томас на мгновение замолчал. Он моргнул. И сказал не своим голосом:

— Я — молитва.

И он снова начал читать.

Брат Томас умер через неделю. Он не был болен. Он просто перестал есть и пить. Его тело отказывалось принимать пищу, потому что его разум перестал воспринимать внешний мир. Он был полностью поглощён молитвой. Единственной молитвой, которую он повторял снова и снова.

Когда Альберт видел его в последний раз, Томас лежал на своей койке, глядя в потолок. Его губы всё ещё шевелились, хотя голоса уже почти не было. Он повторял слова молитвы, как заезженную пластинку. Как будто они застряли в нём и не могли выйти.

— Томас, — сказал Альберт, склонившись над ним. — Я здесь. Я рядом.

Томас не ответил.

Но когда Альберт уже собрался уходить, он услышал шёпот. Тихий, почти неслышимый. Он исходил от Томаса, но это был не его голос. Это был голос того, кто спрятался внутри него.

Томас произнёс последнее слово, которое могло принадлежать только ему: — Тихо...

Он умер на рассвете следующего дня.

После смерти Томаса Альберт начал искать ответы. Он рылся в библиотеке, изучал старые тексты, разговаривал с братьями, которые были старше его. Он хотел понять, что произошло с Томасом. Почему он потерял себя. Почему его голос стал чужим.

Он нашёл старый манускрипт, написанный на латыни, в подвале монастыря. Он лежал в ящике, заваленный грязными тряпками. Альберт вытер с него пыль и начал читать.

Текст был написан неизвестным монахом, который жил за сто лет до него. Он называл ту, о которой писал, разными именами: Тень, Безликая, Та, Которая Ждёт. Он писал о том, что Она не имеет тела, но имеет голос. Что Она питается словами, которые повторяются слишком часто. Что Она растёт в тишине, в молитвах, в песнопениях.

И что Она ждёт.

Альберт перечитал манускрипт несколько раз. И начал понимать, что Томас не просто сошёл с ума. Он был поглощён. Он стал Её голосом.

И тогда Альберт решил написать собственную книгу.

Он писал ночью, в своей келье, при свете огарка. Он писал, тайком боясь, что его увидят. Он прятал пергамент под половицами, завернутый в льняную ткань.

"Я записываю это, ибо если Она услышит меня — она мо-

жет захватить меня. Я узнал, что Сущность не имеет имени, но она имеет голос. Когда мы молимся все вместе, мы не приближаемся к Богу. Мы приближаемся к Ней. Она ждёт, когда мы забудем молчать. Я видел брата Томаса, который прочитал 500 раз одну и ту же молитву. Он больше не мог произнести своего имени. Он говорил только молитву. Даже когда ел. Даже когда спал. Его голос стал Её голосом. Если вы читаете это — значит, Она уже знает, где вы"

Он закончил писать и долго сидел в тишине, слушая, как ветер завывает за стенами. В этом вое ему слышалось что-то ещё. Низкий, почти неслышный звук. Как будто земля дышала в такт с ветром.

Альберт понял: это Она. Она всегда была здесь. Просто раньше он не знал.

Через несколько дней Альберта обвинили в ереси. Он не удивился. Знал, что его записи найдут. Знал, что его записи будут сожжены.

Тексты сожгли на костре вместе с другими "еретическими". Его самого заперли в подземелье и приговорили к смерти через голодную смерть.

Но один фрагмент чудом сохранился. Он лежал в подвале другого монастыря, куда Альберт успел передать его через верного человека.

Через столетия этот фрагмент найдёт Виктор Громов.
Но Тень уже знала.
Она всегда знала.

Москва. МФТИ. 5 ЛЕТ ДО ПРОРЫВА.

Кабинет профессора Савельева находился на третьем этаже старого корпуса, в конце длинного коридора, где редко кто появлялся. Здесь пахло старой бумагой, пылью и временем. Стены были увешаны схемами, графиками, фотографиями — памятью о десятилетиях работы. Но главное сокровище этого кабинета лежало на столе. Профессор никогда не показывал это посетителям. Оно не значилось ни в одном каталоге.

Книга.

Она была старой, очень старой. Её переплёт был сделан из грубой кожи, потемневшей от времени, с выцветшими следами тиснения. Страницы — неровные, пожелтевшие, некоторые порванные — были сшиты вручную суровой нитью. На обложке не было названия. Не было автора. Не было ничего, что могло бы указать на её происхождение.

Профессор Сергей Иванович Савельев сидел за столом и смотрел на эту книгу. Ему было уже хорошо за семьдесят. Его руки, испещрённые старческими пятнами, лежали на обложке. Он не открывал её сегодня. Он не открывал её уже несколько месяцев. Это уже давно не требовалось, так как он знал каждую страницу наизусть.

Он получил её от своего учителя, профессора Громова, в 1953 году. Книга не имела единого автора. Цепь её владель-

цев насчитывала почти пятьсот лет. Каждый из них добавлял свои заметки, свои наблюдения, свои страхи. И каждый из них понимал, что книга должна быть передана дальше. Что она должна дожить до того момента, когда кто-то сможет понять её до конца. Осознать что делать с этими знаниями.

Савельев медленно открыл книгу и в очередной раз стал перелистывать страницы пока не дошёл до последней. Страницы были сделанны разными почерками — чернилами, углём, даже выцарапанные на полях. Самые старые записи были почти нечитаемыми — язык менялся, буквы выцветали. Но одна запись, сделанная аккуратным каллиграфическим почерком, выделялась особенно ярко. Она была датирована 1924 годом.

«Она меняет форму. Когда мы научились передавать голос по радио — Она заговорила в проводах. Когда мы построили города — Она выросла до небес. Я слышу Её в телефоне, когда никто не звонит. Она ждёт...»

Савельев провёл пальцем по этим строчкам. Он знал, что это был последний хранитель того времени. Человек, который видел, как Тень адаптируется к новым технологиям. Как она переходит из храмов в радиоэфир, из молитв — в электрические сигналы. Как она учится говорить голосами машин.

Он закрыл книгу и поднял глаза.

В дверях стоял Рома. Молодой, энергичный, с горящими глазами. Ему было двадцать пять, он был аспирантом, од-

ним из самых талантливых инженеров на факультете. Он уже несколько месяцев работал над своим проектом — передатчиком, который мог бы улавливать и усиливать «коллективные нейронные поля». Савельев знал, что Рома не понимает, чем он занимается на самом деле.

— Профессор, — сказал Рома, входя. — Вы хотели меня видеть?

— Да, Рома, — ответил Савельев. — Проходи. Ты хотел увидеть мою коллекцию древностей?

Рома улыбнулся. Он знал, что у профессора есть старые книги, манускрипты, всё, что осталось от прежних эпох. Ему было интересно, но не слишком. Он был человеком будущего, а не прошлого.

— Да, — сказал он, подходя к столу. Его взгляд упал на книгу. — Что это?

Савельев колебался. Внутри него боролись два чувства. Одно говорило: «Не говори ему. Он не поймёт. Он слишком молод, слишком уверен в себе». Другое шептало: «Скажи. Может быть, это предупредит его. Может быть, он остановится».

Он решился.

— Это история болезни человечества, — сказал он.

Рома нахмурился. Брови его сошлись на переносице.

— В каком смысле?

Савельев провёл рукой по обложке, как будто гладил живое существо. Его голос стал тише, почти шептал.

— Мы все больны. И мы просто не осознаём, что болезнь заразная.

Рома засмеялся. Смех был лёгким, беззаботным, как у человека, который не слышал ничего серьёзнее студенческих шуток.

— Вы говорите загадками, профессор.

Савельев поднял глаза. В них была тяжесть, которую Рома не мог понять. Тяжесть пяти веков, десяти поколений, тысяч страхов.

— Я говорю серьёзно, — сказал он. — Эта книга утверждает, что нам ни в коем случае нельзя дать ей заговорить.

— Ей? Кому ей?

— Роман, я говорю о Тени.

— Тени?

Рома перестал улыбаться. На мгновение что-то мелькнуло в его глазах — недоумение, возможно, даже лёгкий страх. Но он быстро подавил это чувство. Он был учёным. Он не верил ни в какие тени.

— Хорошо, профессор, — сказал он. — Я понял. Спасибо.

«Старик окончательно выжил из ума» - подумал Роман.

Он повернулся и вышел из кабинета. Его шаги затихли в коридоре.

Савельев остался один. Он смотрел на закрывшуюся дверь, потом перевёл взгляд на книгу. Потом на окно, за которым виднелась соседняя лаборатория. Там, за стена-

ми, стоял передатчик, который Рома собрал своими руками. Громоздкая конструкция из металла и проводов, которая должна была послать сигнал на частоте, которая не принадлежала человеку.

Савельев знал, что Рома не послушал его. Он знал, что эксперимент состоится. Он знал, что Тень уже выбрала себе голос. И этот голос — Рома.

Профессор посмотрел на книгу. Его рука потянулась к старой ручке, которая лежала на столе. Он взял её, открыл книгу на последней странице, там, где ещё оставалось немного места на полях. Он задумался на мгновение, а потом вывел одно слово — чётко, ровно, как будто ставил подпись под приговором.

«Х-Фон»

Это было имя. Имя, которое он дал Тени. Имя, которое будет жить в веках.

Он закрыл книгу и прошептал в тишину кабинета:

— Мне осталось не так много. Но я смогу тебя услышать.

Москва. МФТИ. Сутки до эксперимента.

Макс стоял у окна и смотрел на ночной кампус. Стекло было холодным, почти ледяным — осень в этом году выдалась ранней и злой. Он прижался лбом к гладкой поверхности, чувствуя, как холод пробирается в кожу, в кости, в самую глубину, где затаилась усталость, которую он не мог вы-

тряхнуть уже несколько недель.

Ему было двадцать три. Он выглядел старше. Высокий, худой, с острыми плечами, которые выдавались под тонким свитером. Тёмные волосы были взлохмачены — он провёл рукой по голове несколько раз за последний час, сам того не замечая. Лицо его было бледным, под глазами залегли тени, которых не было ещё месяц назад. Он не спал нормально уже четвёртые сутки. Не мог. Что-то мешало. Какая-то тягучая тревога, которая просыпалась вместе с ним и засыпала позже.

Фонари выхватывали из темноты мокрый асфальт, который блестел под жёлтым светом, как поверхность старого озера. Редкие фигуры студентов, которые тащились в общагу после какой-то гулянки, мелькали внизу — неуклюжие, шатающиеся, со смехом, который доносился до третьего этажа приглушённым, почти нереальным эхом. Макс смотрел на них и не понимал, как они могут так легко двигаться. Как они могут смеяться. Как они могут вообще не чувствовать того, что чувствовал он.

Где-то на пятом этаже соседнего корпуса горел свет. Одно окно. Одинокое, как маяк. Кто-то тоже не спал. Макс задержал взгляд на этом окне, пытаясь разглядеть силуэт, но там ничего не двигалось. Только свет. Только тишина.

Он опустил взгляд на свои руки. Пальцы дрожали — мелко, почти незаметно. Он сжал их в кулаки, пытаясь остановить эту дрожь. Не получилось.

В горле пересохло. Было ощущение, что завтра произойдёт что-то важное. Что-то, что изменит всё. Он не знал, что именно, но чувствовал это так же ясно, как чувствовал холод стекла под своей кожей.

Он не хотел быть здесь. Но не мог уйти.

Он повернулся к столу. На экране ноутбука мигал курсор. Документ с отчётом был открыт уже четыре часа, но Макс не написал ни строчки.

Он не знал, с чего начать.

Данные, которые передал ему Рома, не укладывались в голову. Корреляции, которые не должны существовать. Частоты, которые не должны совпадать. И это слово дурацкое "иксфон" — которое профессор Савельев написал на полях.

"Х-Фон".

Макс произнёс его про себя, и по спине пробежал холодок.

— Ты ещё здесь?

Голос Ромы раздался из коридора. Он вошёл в лабораторию с двумя кружками кофе — чёрного, крепкого, без сахара. Протянул одну Максу.

— Ты уже четвертую ночь здесь торчишь, — сказал Рома, садясь за свой компьютер. — Девушка не ругается?

Макс усмехнулся.

— У меня нет девушки. Есть отчёт. Который я не могу написать.

Ромка хмыкнул.

— Потому что ты не веришь в то, что видишь.

— Потому что я социолог, а не физик, — ответил Макс.

— Ты даёшь мне цифры, которые противоречат всему, чему меня учили. Ты говоришь о «коллективном пульсе». Ты утверждаешь, что у города есть частота. Я не могу это объяснить в рамках социологии, Рома. Для меня это полный — бред!

Рома сделал глоток кофе.

— Тогда перестань объяснять. Начни наблюдать.

Они сидели в лаборатории. Тихо гудели серверы. На экранах бежали строки логов — нейросеть обрабатывала данные.

Рома крутанул кресло и показал на главный монитор.

— Смотри. Я загрузил в нейросеть социальные данные за последние 50 лет. Тысячи параметров: преступность, рождаемость, суициды, уровень счастья, посты в соцсетях, обращения в службы психологической помощи, погода, даже курс доллара.

Макс подошёл ближе.

— И что?

— А то, — Рома щёлкнул мышкой, и на экране появился график. — Нейросеть нашла то, чего не должно быть. По 7 раз в секунду в данных появляется микроскопическая аномалия. Она не привязана ни к одному из параметров. И я уверен, что это не ошибка. Это шум. Но шум, который не генерируется ни одним из известных источников.

Макс взгляделся в график.

— 7.83 Гц? Это же частота Шумана. Резонанс Земли.

— Да, — Рома кивнул. — Но смотри дальше.

Он открыл второй график. Зелёная линия шла ровно, но каждые несколько секунд на ней появлялся странный всплеск.

— Я вычел частоту Шумана из данных. Осталось это.

На экране замерцала кривая. Неровная. Хаотичная. Но в ней явно была системность.

— Что это? — спросил Макс.

— Это голос, — сказал Рома. — Который мы не слышим. Потому что он звучит на частоте, которая в природе не встречается. Смотри.

Он наложил на график временную шкалу. Всплески совпадали с определёнными временными метками.

— Вот здесь — 03:47. Каждую ночь. В одно и то же время. По всему миру. Нью-Йорк, Токио, Лондон, Москва — везде один и тот же всплеск. Как будто кто-то или что-то ждёт этого часа.

— Ты хочешь сказать, что это что-то разумное?

Рома посмотрел на него. В его глазах горел огонь одержимости.

— Я хочу сказать, что мы нашли его. Сущность. Коллективное бессознательное. Х-Фон — как назвал его профессор. Он всегда рядом с нами. Но мы его не чувствуем и не могли обнаружить.

Макс отшатнулся.

— Ром, это безумие. Ты говоришь о нематериальном разуме. Но его не может существовать.

— Да не говорю я о нематериальном разуме — перебил Рома. — Мы. Всё человечество. Каждое наше желание, каждый страх, каждая молитва в толпе — всё это кормит его. Он рос вместе с нами. Становился сильнее вместе с нами. Это поле часть нас.

Макс смотрел на график. Зелёная линия пульсировала.

— И что ты хочешь сделать? — тихо спросил он.

Рома улыбнулся. Улыбка была слишком широкой.

— Я хочу с ним поговорить!

На следующее утро Макс стоял в кабинете профессора Савельева. Старик сидел за столом и рассматривал «Книгу Молчания». На его лице была усталость, как будто он нёс этот груз десятилетиями.

— Профессор, — сказал Макс. — Рома собирается сделать что-то опасное. Он говорит о том, чтобы послать сигнал на частоте 7.83 Гц. Он хочет связаться с тем, что вы называет X-Фоном.

Савельев медленно поднял глаза.

— Я знаю.

— Вы знаете? — Макс почувствовал, как внутри закипает гнев. — И вы ничего не делаете?

— Что я должен делать? — голос Савельева был спокоен. — Запретить? Рома — гений. Он найдёт способ обойти любой запрет. Посадить его в тюрьму? У нас нет закона, кото-

рый запрещает искать частоту коллективного бессознательного.

— Но вы знаете, что это опасно! — Макс ударил кулаком по столу. — Эта книга... Все эти предупреждения... Вы сами говорили — тень не должна заговорить!

Савельев посмотрел на книгу. Потом на Макса.

— Ты прав. Тень не должна заговорить. Но ты ошибаешься в одном.

— В чём?

— Ты думаешь, что мы можем её остановить, — Савельев закрыл книгу. — Мы не можем. Она уже заговорила. Давно. Просто мы не всегда слышим. Но когда она заговорит громко — это будет наш конец.

Макс замер.

— Что вы имеете в виду?

Савельев медленно, по старчески встал и подошёл к окну. За стеклом лежала осенняя Москва — серые дома, мокрые крыши, бесконечные потоки машин.

— Х-Фон всегда был. Он питался нашими страхами, нашими желаниями, нашей глупостью. Но он был слабый. Разрозненный. Как облако, которое не может собраться в грозу.

— А теперь?

Савельев повернулся. Его глаза были холодны.

— А теперь мы дали ему среду. Города, интернет, социальные сети — это его нервная система. Каждое наше сообщение, каждый лайк, каждая мысль, которую мы отправля-

ем в цифровое поле — это его пища. Он больше чем просто шум. Он становится штормом.

Макс молчал.

— И ты говоришь, что Рома хочет послать сигнал? — Савельев усмехнулся. — Он не посылает сигнал. Он открывает дверь.

— Я должен его остановить, — сказал Макс.

Савельев покачал головой.

— Ты не можешь остановить Рому. Но ты можешь быть рядом. Когда дверь откроется — тот, кто стоит рядом, увидит больше, чем тот, кто бежит.

Он подошёл к столу и протянул Максу старую книгу.

— Возьми. Она теперь твоя. Теперь это твоё бремя. "Книга Молчания" не спасёт тебя. Но она даст тебе слова, чтобы описать то, что ты увидишь.

Макс взял книгу. Она была тяжёлой — не столько от времени, сколько от знаний.

— Зачем вы даёте мне это?

Савельев посмотрел в окно. За стеклом начинался дождь.

— Потому что я стар. А ты — молод. И когда всё случится, нам понадобится кто-то, кто расскажет правду. Даже если никто не захочет её слушать. Теперь это твоя миссия.

Макс вышел из кабинета. В коридоре он столкнулся с Леной. Она стояла у двери, как будто ждала его. Её лицо было бледным, глаза красными — она не спала.

— Ты знаешь, что Рома собирается сделать? — спросила

она.

— Знаю, — ответил Макс.

— Ты должен его остановить.

— Я не могу.

Лена схватила его за рукав.

— Ты не понимаешь. Я чувствую это. Когда он говорит о Х-Фоне, его голос меняется. Он становится... чужим. Как будто кто-то говорит через него.

Макс посмотрел на неё. В её глазах был страх — настоящий, животный.

— Лена, ты устала. Ты не спала...

— Я знаю, что я вижу! — перебила она. — Он смотрит на меня, но его глаза пустые. Он говорит «я люблю тебя», а я слышу «отдай свой разум». Он уже не тот Рома, которого я знала. Как будто Х-Фон уже начал его менять.

Макс замолчал. Он вспомнил слова Савельева: "Она уже заговорила. Просто мы её не слышали".

— Что ты предлагаешь? — тихо спросил он.

Лена отпустила его рукав.

— Будь рядом. Сделай так, чтобы он не остался один. Когда он нажмёт на кнопку — кто-то должен быть там, чтобы вытащить его обратно.

Она развернулась и ушла.

Макс остался стоять в коридоре. В руках он держал «Книгу Молчания». В голове крутились слова профессора, слова Лены, слова Ромы.

"Х-Фон".

Он открыл книгу. На первой странице было написано от руки:

"Тот, кто читает это, уже слышит её. Она ждёт. Не дай ей голоса".

Макс закрыл книгу и пошёл в лабораторию.

Рома сидел перед передатчиком. Глаза красные, руки дрожат. Он не спал двое суток.

— Макс, — сказал он, не оборачиваясь. — Хорошо, что ты пришёл. Я почти закончил.

— Ром, — Макс подошёл ближе. — Ты уверен?

Рома засмеялся.

— Я никогда не был так уверен. Смотри.

Он показал на экран. Там пульсировала зелёная линия — частота 7.83 Гц. Рядом — ещё одна линия, тоньше, почти незаметная.

— Что это? — спросил Макс.

— Это он, — сказал Рома. — Х-Фон. Я выделил его из шума. Он здесь. Он ждёт. Чувствуешь?

Макс прислушался. В лаборатории было тихо. Гудели серверы. Пахло озоном.

— Ничего не чувствую, — ответил он.

— Подожди, — Рома улыбнулся. — Когда я нажму на кнопку — ты услышишь всё.

Он протянул руку к передатчику.

— Рома, — сказал Макс. — Подожди.

— Не могу, — ответил Рома. — Я ждал слишком долго. Его пальцы коснулись кнопки.

Макс стоял у пульта, когда Рома включил передатчик. Гул наполнил комнату — низкий, вибрирующий, от которого зазвенело в зубах.

Нейросеть работала, начался расчёт. Зелёные линии на экране сошли с ума — хаотичный узор, который через секунду замер в идеальной прямой.

Мигнул свет.

Макс смотрел на экран. Потом на Рому. Рома застыл, как изваяние.

— Рома? — позвал Макс.

Рома медленно повернул голову. На его лице застыло негодование.

— И? — сказал он не своим голосом.

Шумели кулера оборудования. Горел свет. Но не происходило ровным счётом ничего. Только нейросеть почему то перестала отвечать.

Макс стоял посреди лаборатории. Рома жал кнопки служебного ноута.

— Что случилось? — прошептал Макс.

— Да хрен его знает! Повисло всё... — грустно ответил Рома.

На часах было 03:48.

ГЛАВА 2: "Обычное утро"

**Москва. Следующее утро
после эксперимента. 06:47.**

**АНДРЕЙ, 34 ГОДА,
МЕНЕДЖЕР В ИТ-КОМПАНИИ**

Андрей стоял на платформе метро "Физтех" и смотрел на расписание. Табло горело тусклым, болезненно-жёлтым светом, который в этом подземелье казался единственным источником жизни. Буквы складывались в строки: "Поезд до станции "Комсомольская" — 2 минуты", "Поезд до станции "Китай-город" — 7 минут". Он знал эти цифры наизусть. Он ездил по этому маршруту уже семь лет. Каждое утро. Каждое утро одно и то же.

Но сегодня табло показывало странное: "Задержка 15 минут".

Андрей моргнул. Пятнадцать минут. В час пик. Это означало, что вагоны будут забиты до отказа, что он не сможет даже достать телефон, что его локоть уткнётся в чью-то спину, а чья-то сумка — в его бок. Он выдохнул — медленно,

с лёгким раздражением, которое уже стало частью его утра, как первая сигарета или звонок будильника, который он откладывал пять раз.

Он поправил ремешок часов. Кожанный, потёртый, купленный три года назад в переходе, когда старый сломался, а на новый не было денег. Часы показывали 06:47. Андрей чувствовал, как усталость пульсирует где-то под глазницами — он не спал нормально уже несколько дней, хотя не мог вспомнить, с чего всё началось. Просто не спалось. Сны ушли. Он ложился, на какое то время закрывал глаза, а потом просто лежал в темноте, глядя в потолок, пока за окном не начинало светлеть.

Рядом с ним стояла женщина с ребёнком. Ребёнку было года три, не больше. Он сидел в коляске, скособоченной, с одним сломанным колесом, которое женщина пыталась удерживать ногой. Мальчик был в синей куртке, капюшон натянут на голову, хотя в метро было тепло.

Он плакал.

Но плакал странно. Не громко, не надрывно, не так, как плачут дети, когда им больно или страшно. Он плакал ровно, монотонно, как будто делал это по расписанию. Звук был одинаковым — одна и та же нота, одно и то же дыхание. Без пауз, без всхлипов, без изменения тона.

Андрей обычно не замечал таких вещей. Он привык отключаться. Настраиваться на свой ритм, на свои мысли, на бесконечный список задач, который прокручивался в голо-

ве. Но сегодня что-то было иначе. Он поймал себя на том, что смотрит на ребёнка слишком долго. Смотрит не на его куртку, не на его щёки, не на слёзы, которые текли по лицу, а в глаза.

В них было что-то странное.

Андрей не мог объяснить этого словами. В глазах мальчика не было страха. Не было каприза. Не было боли или обиды. Не было того живого огонька, который всегда есть у детей, даже когда они плачут. Только пустота. Абсолютная, пугающая пустота. Как будто за этими глазами никого не было. Только звук. Только повторяющийся механизм, который уже потерял всякий смысл.

Женщина поймала его взгляд. Она была бледной, с тёмными кругами под глазами, которые говорили о бессоннице, куда более долгой, чем его собственная. Её волосы были собраны в небрежный пучок, тонкая кофта висела на плечах — она явно не думала о том, как выглядит этим утром. Она смотрела на Андрея так, как смотрят, когда хотят сказать: «Не лезь не в своё дело».

— Что вы смотрите? — спросила она резко. Голос был сухим, без интонации. Как будто она читала слова по бумажке.

Андрей почувствовал, как его лицо заливают краска. Он отвернулся, пробормотал «извините» — тихо, неуверенно. Но в голове засела мысль, которую он не мог прогнать: "Она тоже выглядит пустой". Она не была похожа на женщину, которая устала или не выспалась. Она была похожа на челове-

ка, который забыл, что внутри него должно быть что-то живое. Она стояла, смотрела, дышала, но не было в ней той искры, которая делает человека человеком.

Андрей сглотнул. Ему показалось, что воздух в метро стал гуще. Как будто кто-то добавил в него что-то невидимое, тягучее.

Поезд пришёл с опозданием на семнадцать минут. Вагон был забит до отказа.

Андрей втиснулся внутрь, и двери закрылись почти сразу, отрезая его от платформы. Он оказался в центре человеческой массы — плечи, локти, спины, сумки, дыхание, смешивающееся в единый, плотный ритм. Он стоял, почти не касаясь пола, удерживаемый только давлением толпы.

Рядом с ним оказались двое мужчин. Один — в сером пальто, с портфелем, прижатым к груди, как бронежилет. Другой — в дешёвой куртке, с потёртой сумкой через плечо. Они стояли неподвижно, почти как статуи, их ноги были расставлены на ширину плеч, руки висели вдоль тел. Оба смотрели в телефоны.

Но не листали.

Андрей заметил это не сразу. Сначала он просто скользнул взглядом по экрану соседа слева — чёрный. Подумал, что тот просто ждёт, пока загрузится страница. Потом посмотрел на экран соседа справа — тоже чёрный.

Никто не листал ленту. Никто не читал новости. Никто не писал сообщения. Оба просто смотрели на чёрные экраны.

Не двигая пальцами. Не моргая. Просто смотрели, как смотрят на огонь в камине. Или в бездну.

Андрей перевёл взгляд на свой телефон. Тоже чёрный. Он нажал на кнопку. Экран загорелся — привычный, тёплый, голубоватый свет. Уведомления, иконки приложений, время. Всё как обычно.

Он почувствовал облегчение. Глупое, иррациональное облегчение от того, что его телефон всё ещё работает, всё ещё жив.

Но потом он заметил это.

Внутри него, где-то в самой глубине груди, появился звук. Тонкий, почти неслышный. Он не был похож на звон в ушах. Не на шум крови, которая пульсирует в висках. Не на ветер, который завывает в тоннелях. Он был иным.

Это была вибрация. Низкая, едва уловимая, которая шла изнутри — из-под грудины, из той зоны, где прячутся самые глубокие чувства. Она не раздражала, не мешала, не отвлекала. Она была почти незаметной. Как фон. Как звук, который перестаёшь замечать через несколько секунд.

Андрей сглотнул. Провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть наваждение.

"Странно", — подумал он.

И через минуту уже забыл об этом.

Поезд нырнул в тоннель. За окнами мелькнула темнота, в которой отражались лица пассажиров — размытые, бледные, почти призрачные. Андрей посмотрел на своё отражение в

стекле. Его глаза были открыты. Он смотрел на себя, но не узнавал.

Что-то было не так. Что-то изменилось. Но он не мог понять, что именно.

Он моргнул, отвёл взгляд от стекла и снова уставился в телефон. Открыл почту, пробежался по письмам, ответил на пару сообщений. Всё как обычно. Обычное утро. Обычный день.

Но вибрация осталась. Тихая, почти незаметная. Она пульсировала в груди, как второй пульс.

Он не знал, что это был он.

Гул.

"Странно, чёрт побери. Очень странно", подумал он. И забыл об этом через минуту.

ТАТЬЯНА, 28 ЛЕТ, АРХИТЕКТОР

Татьяна проснулась без будильника. Ровно в шесть часов утра. Как всегда. Её внутренние часы работали с пугающей точностью — она не нуждалась в звонках, в телефоне, в будильнике, который стоял на тумбочке и молчал уже несколько лет. Тело само знало, когда пора вставать.

Но сегодня она не чувствовала привычной утренней бодрости. Не было того лёгкого подъёма, когда мышцы сами тянутся к движению, когда голова ясная, а в теле — энергия, которая обещает хороший день. Вместо этого была тяжесть.

Не физическая — в теле всё было в порядке. Тяжесть в груди, в голове, в самой глубине, где обычно зарождались чувства.

Она лежала и смотрела в потолок. Он был белым, с едва заметной трещиной, которая шла от люстры к углу. Эту трещину она заметила ещё год назад, когда они переехали в эту квартиру. Тогда она хотела её замазать, но руки не дошли. Теперь трещина стала частью их дома, такой же привычной, как старая ваза на комодке или как запах кофе, который муж заваривал каждое утро.

Она слышала этот запах даже сейчас, хотя дверь спальни была закрыта. Аромат просачивался сквозь щели, смешиваясь с утренним воздухом, с тихим шумом города за окном. Всё было как всегда. Те же стены, те же шторы, тот же свет, который просачивался сквозь жалюзи, рисуя полосы на полу. Те же звуки — где-то за стеной капала вода, за окном проехала машина, на кухне звякнула чашка.

Но ощущения чего то нового не покидали её. Как будто что-то было не так. Что-то тонкое, неосознаваемое. Неуловимое.

Татьяна не могла понять, что именно. Всё было на своих местах, всё выглядело правильно, привычно, даже уютно. Но внутри неё росло странное чувство — как будто она смотрит на чужую квартиру, на чужую жизнь, на человека, который лежит в этой постели, но не является ею.

Она села. Тело двигалось легко, без напряжения, как буд-

то кто-то нажал на кнопку «подъём». Она опустила ноги на пол, встала, подошла к зеркалу, которое висело на двери шкафа.

Зеркало было старым, в тонкой деревянной раме, купленным ещё в прошлой квартире. Оно отражало её лицо. То же лицо. Те же глаза — серые, с тёмными крапинками, которые она помнила с детства. Те же волосы — русые, чуть ниже плеч, слегка растрёпанные после сна. Те же морщинки в уголках глаз — первые, ещё почти незаметные, которые появляются после тридцати.

Всё было как всегда.

Но она не узнавала себя.

Она стояла перед зеркалом и смотрела на собственное отражение, но внутри не было никакого отклика. Ни «это я», ни «какая я красивая», ни даже «какая я уставшая». Только пустота. Как будто за этим лицом никого не было. Как будто зеркало отражало чужого человека, который просто занял её место.

"Это просто усталость", — подумала она. И пошла умываться.

В ванной она включила воду. Она была холодной, и Татьяна почувствовала это — кожа отреагировала, сжалась, но это было просто физическое ощущение. Рефлекс. Тело знало, что надо реагировать на холод, но внутри, там, где должна была быть живая реакция, — молчание.

Она умылась, посмотрела на своё лицо в маленьком зер-

кале над раковиной. Вода стекала по щекам, оставляя мокрые следы. Она вытерла их полотенцем, но внутри ничего не изменилось.

Она вышла на кухню. Муж сидел за столом, уткнувшись в телефон. Он всегда читал новости по утрам, прежде чем начать говорить. Татьяна привыкла к этому, как привыкла к трещине на потолке. Она налила себе кофе — автоматически, просто потому что так надо.

— Доброе утро, — сказала она.

Он поднял голову. В его взгляде было что-то рассеянное, отсутствующее. Как будто он смотрел сквозь неё, на что-то за её спиной. Он моргнул, словно пытаясь сфокусироваться.

— Привет, — ответил он. — Ты слышала? Вчера ночью в районе Севастопольской была вспышка энергии. В новостях пишут, что короткое замыкание.

Татьяна пожала плечами. Она слышала, но ей было всё равно. Это была просто информация, как погода или курс доллара. Она не вызывала никакой реакции — ни любопытства, ни тревоги, ни даже лёгкого интереса. Она поднесла кружку к губам, сделала глоток. Кофе был тёплым, но она почти не почувствовала вкуса.

— Это неважно, — сказала она. — Важно то, что у нас хлеб кончился.

Она сказала это и сама удивилась. Не потому что хлеб был важен. Просто слова вылетели сами собой, без участия чувств. Она произнесла их механически, как робот, который

выполняет программу. И в тот момент она осознала: ей абсолютно всё равно. На хлеб. На мужа. На новости. На себя.

Она замерла с кружкой в руках, глядя в стену. Внутри было тихо. Слишком тихо. Как будто кто-то выключил звук в её душе.

"Почему я ничего не чувствую?" — подумала она.

Но ответа не было. Только тишина. И странный, почти незаметный гул, который она ощутила где-то в груди, там, где должно было быть её сердце.

Она поставила кружку и отошла от стола. Её шаги были ровными, как у автомата.

ВАДИМ, 19 ЛЕТ, СТУДЕНТ

Вадим проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Сильно, настойчиво, как будто пытался вытащить его из глубокой воды. Он открыл глаза — медленно, с трудом, как будто веки были налиты свинцом. Первое, что он увидел, было лицо его соседа по комнате, Артёма. Оно было встревоженным, почти испуганным.

— Вадим, ты жив? — спросил Артём, перестав трясти его.
— Я уже десять минут тебя бужу.

Вадим сел на кровати. Голова была тяжёлой, как будто он не спал двенадцать часов, а наоборот, таскал мешки с песком всю ночь. Он провёл рукой по лицу, пытаясь сфокусироваться, понять, где он, какой день, что происходит.

— Жив, — ответил он. Голос был хриплым, чужим. Он прочистил горло, но это не помогло. — Что случилось?

— Ты проспал первую пару, — сказал Артём. — Я пытался тебя разбудить, но ты не реагировал. Думал, ты умер.

Вадим попытался улыбнуться, но мышцы лица не слушались. Он просто посмотрел на Артёма, и тот отступил на шаг. На лице соседа появилось странное выражение — смесь тревоги и отвращения.

— И вообще... ты странно выглядишь, — сказал Артём.

Вадим нахмурился. Он поднялся с кровати, ноги были ватными, и прошёл к зеркалу, которое висело на двери шкафа. Зеркало было старым, мутным, но оно отражало его лицо достаточно чётко. Всё было нормально. Те же глаза, тот же нос, те же тёмные круги под глазами, которые появлялись после бессонных ночей, но он спал двенадцать часов — откуда им взяться? Только глаза... они казались чуть более пустыми, чем обычно. Как будто из них ушёл свет. Как будто кто-то щёлкнул выключателем и погасил лампочку внутри.

Вадим смотрел на себя и не мог понять, что именно изменилось. Форма глаз осталась прежней, цвет не изменился, но он казался себе кем-то другим. Как будто он смотрит на своё лицо, но за ним никого нет.

— Я в порядке, — сказал он, отворачиваясь от зеркала. — Пойдём.

Они вышли из общежития. Утро было серым, небо низким, влажным. Дождь только что прошёл, асфальт блестел,

воздух был прохладным и чистым. Вадим вдохнул полной грудью, ожидая, что свежесть прояснит голову, разгонит ту странную тяжесть, которая засела где-то в затылке. Но ничего не произошло. Тяжесть осталась. Только гул — почти незаметный, едва уловимый — появился где-то внутри груди. Вадим не придал этому значения. Он подумал, что просто переутомился.

В университете было тихо. Непривычно тихо. Такой тишины здесь никогда не было.

Обычно в коридорах висел гул голосов — сотни студентов обсуждали лекции, смеялись, спорили, перекрикивались через головы, договаривались о встречах. Этот гул был фоном жизни, таким же естественным, как дыхание или стук собственного сердца. Сегодня его не было. Вообще. Студенты сидели на скамейках, стояли у расписания, медленно двигались по коридорам — и все молчали. Никто не разговаривал. Никто не смеялся. Никто не спорил. Только шаги, мягкие, приглушённые, и редкие покашливания, которые казались слишком громкими в этой неестественной тишине.

Вадим прошёл мимо группы девушек у окна. Они смотрели в телефоны, но не листали ленту. Просто смотрели на экраны, которые постепенно гасли. Их лица были пустыми, как у кукол. Никто из них не поднял головы, когда он проходил мимо. Никто не заметил его присутствия.

Вадим сел на лекцию, на своё обычное место — третий ряд, у окна. Он сел машинально, даже не думая о том, что де-

ляет. Преподаватель — немолодой мужчина в очках — стоял у доски и что-то объяснял. Он писал формулы, чертил графики, поворачивался к аудитории и говорил. Его голос был ровным, монотонным, без интонаций. Как будто он читал текст, который не имел к нему никакого отношения.

Вадим смотрел на доску, но не видел её. Он слышал слова, но не понимал их. Не потому что было сложно. Не потому что он пропустил прошлую лекцию. Просто его голова была пустой. Совершенно пустой. Как будто кто-то взял и стёр всё содержимое, оставив только белую стену.

Он пытался сосредоточиться. Сжимал ручку, смотрел на конспект, старался уловить смысл. Но ничего не получалось. Мысли не появлялись. Они просто не возникали. Как будто механизм, который их генерировал, сломался и перестал функционировать.

Не смотря на речь лектора в голове звучала только тишина. Она была звенящей, плотной, почти осязаемой. Она заполняла всё пространство внутри его черепа, не оставляя места ни для одной мысли.

Он слышал, как бубнит лектор, но этот звук был где-то далеко. Он не заполнял пустоту. Он просто существовал на фоне, как белый шум, который не имеет значения. Только пустота.

Вадим закрыл глаза и попытался прислушаться к самому себе. Он хотел поймать хотя бы одну мысль, хотя бы одно чувство, хотя бы одно ощущение. Пусто. Абсолютно пусто

внутри. Только тишина, которая звенела в ушах, отдаваясь где-то в самой глубине.

Он открыл глаза. Преподаватель продолжал писать на доске, его движения были механическими. Студенты вокруг сидели неподвижно, уставившись в конспекты, которые они не писали. Никто не шевелился. Никто не дышал громко. Только тишина.

"Нужно сосредоточиться", — подумал Вадим.

Но внутри уже что-то изменилось. Что-то переключилось. Как будто щёлкнул невидимый тумблер, и часть его сознания, которая всегда была там, просто исчезла. Не выключилась. Исчезла. Испарилась. Как будто её никогда и не было. Он больше не мог достать свои мысли. Они не откликались на его попытки. Как будто внутри него оборвалась последняя нить.

Он посмотрел на свою руку, сжимающую ручку. Она была его рукой. Но она не ощущалась как его рука. Она была просто объектом, который двигался независимо от него.

Вадим сглотнул. Сердце билось ровно, спокойно, без паники. Тело не боялось. Тело не чувствовало ничего.

Пустота. И тишина.

И гул — тонкий, почти незаметный, который пульсировал где-то под грудиной, как второй пульс, и ждал своего часа.

ОКСАНА, 45 ЛЕТ, ВРАЧ

Оксана работала в городской поликлинике уже двадцать лет. Она знала этот кабинет до последней трещины, до скрипа половиц, до запаха хлорки и бумажных карт, который смешивался с дыханием пациентов. Она помнила, как менялись обои, как старый шкаф заменили на новый, как сломалась лампа на столе и её так и не починили. Этот кабинет стал её вторым домом, её крепостью, её клеткой.

Приём начался в восемь утра. К десяти у неё было уже пятнадцать пациентов. Все с одними и теми же жалобами.

Первый — мужчина лет сорока, в мятом пиджаке, с красными глазами. Он сидел на краю стула и крутил в руках шапку, не глядя на неё.

— Головокружение, — сказал он. — Третий день. Как будто земля уходит из-под ног. Даже когда сижу.

Оксана записала диагноз, выписала успокоительное. Он кивнул, взял рецепт и вышел.

Второй — женщина с тёмными кругами под глазами, в слишком лёгкой для этого времени года куртке. Она говорила быстро, глотая окончания, как будто боялась, что её перебьют.

— Тяжесть в груди, — сказала она. — Не боль. Не давление. Просто тяжесть. Как будто что-то лежит там, внутри, и не даёт дышать.

Оксана записала, выписала витамины и порекомендовала отдых. Женщина ушла, даже не сказав «спасибо».

Третья — молоденькая девушка, студентка, с бледным лицом и пустыми глазами. Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела куда-то в сторону.

— Апатия, — сказала она. — Я не хочу ничего делать. Не хочу есть, не хочу вставать, не хочу говорить. Мне всё равно.

Оксана выписала антидепрессанты. Девушка взяла рецепт, не глядя, и вышла.

Четвёртый — пожилой мужчина, с седыми волосами и дрожащими руками. Он смотрел в пол, его плечи были опущены, голос тихий, почти неслышный.

— Не могу уснуть, — сказал он. — Третий день. Я лежу, закрываю глаза, а сна нет. Просто лежу и смотрю в потолок.

Оксана выписала снотворное. Он вышел, не оглянувшись.

Она принимала их одного за другим, и каждый говорил одно и то же: головокружение, тяжесть, апатия, бессонница. Те же слова, те же жалобы, те же пустые глаза. Она выписывала одно и то же: успокоительные, витамины, отдых. Сначала она думала, что это просто осенняя апатия, сезонная депрессия, проблемы с давлением. Но к десятому пациенту zakралось сомнение: что-то не так.

Обычно она чувствовала своих пациентов. Это было не мистическое чутьё — просто опыт, двадцать лет работы, тысячи лиц и сотни историй. Она понимала, кто врёт, кто преувеличивает, кто на самом деле болен, а кто просто ищет

внимания. Она могла определить по тону голоса, по жестам, по тому, как пациент сидит, дышит или смотрит. Это было её оружие, её защита.

Сегодня она не чувствовала ничего.

Она смотрела на каждого пациента, слушала его жалобы, смотрела в глаза, писала назначения. Но внутри неё не возникало никакого отклика. Ни сочувствия, ни тревоги, ни даже лёгкого интереса. Только пустота. Её пациенты были как тени — пустые, безликие, одинаковые. словно они были копиями одного и того же человека, размноженными на один и тот же лад. словно внутри них никого не было.

Она смотрела на четырнадцатого пациента, женщину средних лет, и понимала, что не видит её лица. Она видела овал, волосы, глаза, но это было просто изображение, как на бумаге. Не человек. Не личность. Просто объект, который произносил слова и ждал рецепта.

Оксана протянула рецепт, и женщина взяла его. Их пальцы не соприкоснулись.

Когда последний пациент — пятнадцатый, мужчина с бессонницей, — вышел и закрыл за собой дверь, Оксана осталась одна.

Она сидела за столом и не двигалась. Её руки лежали на столешнице, одна на другой. Смотрела на закрытую дверь, но не видела её. Голова кружилась, в висках пульсировала тупая боль, но она не чувствовала её. Она просто знала, что она есть.

В ушах звучала звенящая тишина. Тот же звук, который она слышала утром, когда проснулась без будильника. Тот же звук, который появился где-то в груди и не исчезал.

Она хотела понять, что происходит. Она хотела почувствовать страх, или тревогу, или хотя бы любопытство. Но внутри было пусто. Как будто кто-то выключил все чувства, оставив только тело, которое двигалось по инерции.

Оксана смотрела на свои руки. Это были её руки. Она знала каждую морщинку, каждую родинку. Но они не ощущались как её. Просто объектами, которые лежали на столе и не двигались.

— Что происходит? — прошептала она одними губами.

Тишина. Ответа не было. Не кому было ей ответить.

— Что происходит? — спросила она вслух, громче, как будто кто-то мог её услышать. Почти крикнула эти слова, в надежде, что кто-то откликнется, кто-то скажет ей, что это просто усталость, что это пройдёт, что она не сходит с ума.

Никто не ответил.

Внутри неё, где-то в самой глубине, пульсировал тонкий, почти незаметный гул. Он был чужим. Он не принадлежал ей. Он просто ждал.

Оксана закрыла глаза и заставила себя дышать. Она вдыхала и выдыхала медленно, как учили в институте. Но гул не исчез.

ИГОРЬ, 52 ГОДА, ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА

Игорь вёл автобус по мокрому асфальту. Маршрут № 273 — от МФТИ до станции метро, через спальные районы, через мост, через развязку, где всегда пробки. Он знал эту дорогу наизусть. Каждый поворот, каждая яма, каждый светофор, который горел ровно столько, сколько нужно, чтобы успеть проскочить или остановиться. Он водил этот маршрут уже двенадцать лет. Его тело знало дорогу лучше, чем его голова. Руки сами крутили руль, ноги сами нажимали на педали.

Обычно в этот час — между девятью и одиннадцатью утра — автобус был забит до отказа. Студенты, офисные работники, пенсионеры, которые ездили в поликлиники. Люди толкались, дышали друг другу в затылок, переговаривались, спорили, кто-то слушал музыку в наушниках, кто-то громко разговаривал по телефону. Шум, гам, движение — привычная утренняя жизнь.

Сегодня, на удивление, автобус был полупустым.

Игорь заметил это, когда ещё только выезжал из депо. На первой остановке зашли трое, на второй — двое, на третьей — никто. Обычно на третьей уже было полсалона. Он посмотрел в зеркало заднего вида и нахмурился. Пассажиров было человек двенадцать. Они сидели вразнобой — кто-то у окна, кто-то у двери, кто-то в середине. Между ними были

пустые места, но никто не садился поближе к другим. Каждый был сам по себе. Как будто они не хотели, чтобы кто-то касался их.

Игорь перевёл взгляд на лица пассажиров. Они были серыми. Не в смысле цвета кожи — просто в них не было никакого цвета. Ни румянца, ни бледности, ни жизни. Он смотрел на них через зеркало, и в этом взгляде не было обычного, привычного разнообразия: злых лиц, уставших, задумчивых, сонных. Только одно выражение — отрешённое, отсутствующее. Как будто все они смотрели в одну точку, которая была где-то за пределами автобуса, за пределами города, за пределами этого мира.

Игорь сглотнул. Ему показалось, что в салоне стало холоднее. Он потянулся к рычагу отопления, но тот уже был включён на полную мощность. Холодом веяло не от воздуха, а от людей. От их неподвижных тел, от их пустых глаз, от их одинаковых, безжизненных лиц.

Он отвернулся и сосредоточился на дороге. Светофор горел зелёным, машины двигались в потоке, всё было нормально. Всё было как всегда.

Но внутри него, где-то в груди, поселился холодок, который он не мог объяснить.

Автобус подъехал к конечной остановке. Игорь нажал на тормоз — плавно, как делал это тысячу раз. Двери с шипением открылись, впуская в салон влажный утренний воздух.

Никто не вышел. Никто не зашёл.

Игорь подождал несколько секунд. Посмотрел в зеркало заднего вида. Пассажиры сидели неподвижно, как статуи. Их лица были пустыми, глаза смотрели в пустоту.

— Конечная, — сказал Игорь.

Голос его прозвучал громко в тишине салона. Он прокатился по рядам, отразился от стен и затих. Никто не пошевелился.

— Конечная, — повторил он громче.

Один из пассажиров — мужчина лет сорока, в сером пальто, с чёрной сумкой на коленях — поднял голову. Его глаза были пустыми, но в них что-то мелькнуло. Какая-то искра узнавания. Как будто он вдруг вспомнил, что он человек, что он должен двигаться, дышать, выходить. Он медленно встал. За ним начали подниматься и другие.

Игорь смотрел в зеркало, как они двигались — синхронно, как по команде. Один за другим они вставали, шагали к двери, выходили. Их движения были одинаковыми: медленными, механическими. Как будто их телами управлял один и тот же невидимый кукловод.

Когда последний пассажир вышел, Игорь почувствовал, незримый взгляд. Он ощутил это так же отчётливо, как когда в детстве, стоя в тёмном коридоре, чувствовал, что кто-то смотрит на него из темноты. Тогда он боялся. Сейчас он не боялся. Он просто чувствовал холод, который шёл откуда-то изнутри.

Он встал и вышел из автобуса. Оглянулся. Пассажиры

шли по перрону, расходясь в разные стороны. Они двигались медленно, бесцельно, но куда-то шли. Как муравьи, которые потеряли след.

Игорь стоял на остановке, глядя им вслед. Ветер дул в лицо, но он не чувствовал его. Только холод внутри.

"Показалось", — подумал он. — "Просто устал. Двенадцать лет на одном маршруте. Надо что-то менять".

Он достал телефон. Экран был чёрным. Он нажал на кнопку — загорелся, привычный, тёплый свет. Уведомления, время, погода.

Он посмотрел на телефон и понял, что ему некуда звонить. Не с кем говорить. Да и не о чём. Всё было скучным и неинтересным. Как будто весь мир стал серым. Как будто из него вынули краски, и остались только линии и формы. Как будто внутри него, там, где всегда было что-то живое, теперь была только пустота.

И гул. Тонкий, почти незаметный. Он пульсировал где-то в груди и висках.

Игорь убрал телефон в карман и пошёл обратно в автобус. Он не знал, зачем. Просто тело двигалось. А внутри было тихо.

МАКС

Макс проснулся от резкой боли в голове. Она пульсировала в висках, отдавалась в затылке, спускалась к шее, сжима-

ла плечи. Он не открывал глаз, но уже знал — это будет тяжёлый день. Такая боль не проходит быстро. Она застревает внутри, как заноза, и напоминает о себе при каждом движении, при каждом вздохе.

Он приоткрыл один глаз. Серый свет сочился сквозь неплотно задёрнутые шторы, падал на старый торшер у кровати, на стопку книг на полу, на пустую кружку, которая простояла на тумбочке уже третью неделю. Комната была маленькой, почти тесной. Стены — выцветшие, обои в каких-то разводах, которые он перестал замечать после первого года жизни здесь. На столе — ноутбук, открытый на вчерашней странице, несколько мятых листов с записями, которые он не разобрал.

Он сел на кровати. Голова тут же дала о себе знать — ещё один толчок боли, от которого пришлось зажмуриться и переждать. Он провёл рукой по лицу, чувствуя, как кожа на щеках была сухой и горячей. Он не пил вчера — он вообще пил редко, только по особым случаям, и то по чуть-чуть. Но ощущение было точь-в-точь как после тяжёлой ночи: разбитость, апатия, чувство, что тело не слушается.

Макс был худым, почти слишком худым. Высокий, с острыми локтями, с длинными пальцами, которые он иногда нервно потирал друг о друга. В свои двадцать три, но выглядел он на тридцать — из-за вечной усталости, которая залегла под глазами, и из-за привычки хмуриться, даже когда не о чём думать. Волосы тёмные, непослушные, всегда торчали в

разные стороны, как будто он только что встал — даже если он вставал три часа назад. Одевался он просто: старые джинсы, чёрные футболки, иногда сверху — свитер, который был уже слишком тонким для осени, но он всё равно его носил.

Он жил один. Снимал эту квартиру уже третий год, когда поступил в аспирантуру. Соседей не знал, с девушками не встречался. Всё свободное время уходило на учёбу, на статьи, на то, чтобы заработать на жизнь. Он не жаловался, при-
вык.

Но сейчас он чувствовал себя хуже, чем когда-либо.

Он потянулся к телефону, который лежал на тумбочке рядом с кружкой. Экран горел — три пропущенных звонка от Ромы. Один в три ночи, второй в пять утра, третий — в семь. Рома никогда не звонил так рано. Он был тем человеком, который мог не спать трое суток, но никогда не будил других.

Макс нахмурился. Палец сам нажал кнопку обратного вызова.

— Ты в порядке? — спросил Рома.

Голос его был бодрым, почти слишком весёлым. Словно он только что выпил литр кофе. Макс знал этот тон — Рома был в своём обычном состоянии эйфории от работы.

— Вроде, — ответил Макс, голос был хриплым, он про-
чистил горло. — А что?

— Мы вчера чуть не сожгли лабораторию! — Рома засме-
ялся, и смех его прозвучал неестественно громко. — Я ду-
мал, эксперимент провалился. Нейросеть зависла, свет морг-

нул, всё накрылось.

— А сегодня? — спросил Макс, чувствуя, как внутри закипает тревога.

— А сегодня всё работает, — сказал Рома. — Даже лучше, чем раньше. Я запустил систему — нейросеть выдаёт какие-то странные данные. Сигнатуры сбились, но я уже поставил новые. Эксперимент не удался, но мы хотя бы не сожгли МФТИ. Давай повторим?

Макс сглотнул. Слова Ромы звучали легко, как будто он говорил о погоде. Но Макс чувствовал в его голосе что-то ещё — какое-то странное веселье, которое не соответствовало ситуации. Как будто он был рад, что нейросеть зависла. Как будто он ждал этого.

«Нет. Остановись», — хотел сказать Макс. Слова уже крутились на языке, готовые сорваться. Но они не сорвались. Они застряли в горле, где-то между страхом и усталостью.

— Давай завтра, — Голос прозвучал ровно, без эмоций.

И нажал отбой.

Макс отбросил телефон в сторону и подошёл к окну. Шторы зашуршали, когда он отодвинул их в стороны.

Город лежал перед ним, как на ладони. Серые дома, мокрые крыши, тонкие нити дорог, по которым ползли машины. Всё было как обычно. Всё было как всегда.

Но Макс чувствовал — что-то изменилось.

Не воздух, не звуки, не цвета. Он не мог объяснить словами, но внутри него засела уверенность: мир стал другим.

Не знал, как именно. Просто всё вокруг казалось чуть более плоским, чуть более серым, чуть более пустым. Как будто кто-то вынул из реальности один из слоёв.

Он смотрел на город, но внутри него нарастала странная тишина. Не та, что бывает, когда замолкают птицы, и не та, что бывает в глухой деревне. Это была другая тишина — пустая. Как будто весь мир затаил дыхание. Как будто что-то огромное ждало.

Макс повернулся к столу. Там лежала старая книга в кожаном переплёте — «Книга Молчания». Взял её в руки, и книга показалась такой тяжёлой, как будто содержала в себе весь мир. Переплёт был потёртым, углы обтрепались, страницы пожелтели. Он открыл её на закладке — на той странице, где была последняя запись.

Это была запись профессора Савельева. Сделана всего несколько дней назад, в его кабинете.

Макс провёл пальцем по строчкам, написанным чёрными чернилами, почти ровным, старческим, но чётким почерком:

"Я, Сергей Савельев, профессор МФТИ, хранитель "Книги Молчания", пишу это в 2025 году. Я понял: Она ждала не просто голоса. Она ждала технологии. Она ждала машин, которые смогут говорить. Она ждала нейросетей. И они уже здесь. Мой молодой аспирант, инженер Рома, работает над проектом, который может дать Ей голос. Я не могу его остановить. Я могу только предупредить. Но он не слушает. Я оставляю это будущим хранителям. Не дайте Тени загово-

речь. Если она заговорит — вы все станете её голосом".

Макс перечитал эти строки трижды. Сердце его билось ровно, но внутри нарастало волнение. Он знал, что Савельев был прав. Знал, что Роман не остановится. Чувствовал, что эксперимент не провалился — он только начался.

Он перевернул страницу. На полях была ещё одна запись — написанная позже, той же рукой. Всего одно слово:

"Х-Фон"

Макс смотрел на это слово, и оно казалось ему живым. Как будто буквы дышали.

Он закрыл книгу и подошёл к окну. За стеклом лежал серый, привычный город. Люди спешили по своим делам, машины ехали в пробках, жизнь продолжалась.

Но Макс знал: всё изменилось.

Он посмотрел на часы. 07:47. Ещё далеко не вечер. И совсем не ночь. Но гул уже начинался.

Глава 3. "Люди? Что происходит?"

Макс вышел из подъезда и вдохнул холодный осенний воздух. Он был сырым, с горьковатым привкусом уходящего тепла, с запахом мокрых листьев и выхлопных газов, которые поднимались от проспекта. Небо было низким, серым, как бетонная плита, и давило на город, стирая тени. Влажность оседала на лице, на волосах, на воротнике куртки, которую Макс застегнул на ходу, одной рукой, другой придерживая рюкзак.

На нём была старая чёрная куртка, купленная ещё на втором курсе. Она была немного великовата, но тёплая, и он привык к ней, как привыкают к старой коже. Под курткой — серая футболка с потёртым принтом, джинсы, которые потеряли цвет после сотен стирок, и тяжёлые ботинки. Он выглядел как типичный аспирант, который экономит на одежде, но не на книгах. Сегодня он не побрился, и лёгкая щетина делала его лицо ещё более худым, ещё более бледным. Глаза его были красными от недосыпа, под ними залегли тёмные круги, которые он даже не пытался скрыть.

Город жил своей привычной жизнью. Он дышал, гудел, перетекал из спальных районов в центр, из офисов в кафе, из домов в метро. Это был ритм, который Макс знал и понимал — он изучал его несколько лет, записывал, анализировал. Люди спешили на работу, не глядя по сторонам. Ма-

шины стояли в пробках, их сигналы смешивались с шумом проспекта, с редкими криками ворон, с гулом электропоездов, которые проносились где-то далеко, под землёй. Где-то за домами лаяла собака — надрывно, тревожно, как будто она чуяла что-то, чего не видели люди.

Макс остановился на углу. Перед ним была остановка общественного транспорта — стеклянный козырёк, скамейки, мусорная урна, переполненная. Он достал телефон из кармана джинсов. Экран загорелся, и он открыл заметки — длинный список записей, которые он вёл последние несколько дней. Сегодняшняя дата мигнула в углу: 8:18.

Он начал печатать, быстро, короткими фразами.

Наблюдение #1. 08:18. Улица Академика Виноградова.

"5 человек стоят на остановке. Все смотрят в телефоны. Поза у всех одинаковая: голова наклонена на 30 градусов, плечи ссутулены. Никто не разговаривает. Никто не смотрит по сторонам."

Он убрал телефон и пошёл к метро.

На входе в метро "Ленинский проспект" была толпа. Макс остановился у турникетов, в стороне от потока, и начал считать. Он делал это машинально, как делал всегда, когда хотел проверить свою гипотезу. Но сегодня это было не просто упражнение. Сегодня он искал что-то конкретное. Он смотрел на людей, проходящих через турникеты. Они двигались равномерно, без спешки, но без промедления. Каждый шаг

был однотипным, как будто заученным, монотонные одинаковые шаги. Выглядело как будто люди шли не по своей воле. Только ровное движение. Он начал считать.

Наблюдение #2. 08:23. Метро «Ленинский проспект». Вход.

"За 60 секунд прошло 47 человек. 42 из них смотрели в телефоны. 3 слушали музыку. 2 смотрели перед собой. 0 человек улыбались. 0 человек смотрели друг на друга."

Макс закончил запись. Его рука, держащая телефон, дрожала чуть сильнее.

Он спустился на платформу. Поезд прибыл через минуту — вагон был забит до отказа. Макс втиснулся внутрь, стараясь встать у двери, чтобы видеть всё пространство. Ухватился за поручень, чувствуя, как металл холодит ладонь через тонкую ткань рукава. Вокруг него были люди — десятки людей. Они стояли близко, почти касаясь друг друга, но между ними была странная пустота. Она была не физической, а какой-то другой. Как будто каждый из них был один в своей клетке, и никто не хотел касаться другого даже случайно.

Макс начал наблюдать. Он смотрел на лица, на позы, на движения. И чем дольше он смотрел, тем тревожнее становилось у него на душе.

Перевёл взгляд на женщину напротив. Она сидела на краю скамейки, сжимая сумку. Глаза были широко открыты, но она смотрела сквозь пространство, не видя никого. Лицо было неподвижным. Он смотрел на её лицо — оно казалось

нормальным, но он чувствовал, что внутри неё никого нет. Пустота.

Быстро отвернулся и уставился в чёрное стекло двери, в котором отражалось его собственное лицо. Смотрел на своё отражение и пытался понять, что чувствует. Надежду? Страх? Что-то ещё?

Поезд тронулся. За окнами замелькала чернота тоннеля, в которой иногда вспыхивали огни служебных помещений. Макс стоял у двери, вжавшись спиной в холодный поручень, и смотрел на лица пассажиров. Они были разными — мужчины и женщины, старые и молодые, в дорогих пальто и в потёртых куртках. Но все они были похожи друг на друга. Не внешне и даже не внутренне. Макс не мог это объяснить. В них не было того, что всегда отличало людей друг от друга. Не было эмоций.

Он вспомнил свои старые исследования. Когда только начал изучать социологию толпы, проводил часы в метро, наблюдая за людьми. Это была его первая курсовая работа — "Эмоциональная динамика в условиях городской толпы". Тогда он был совсем не опытен, полон энтузиазма, верил, что сможет разобраться в том, как люди взаимодействуют друг с другом, как они заражаются настроением, как толпа становится единым организмом.

Помнил свои записи. В час пик всегда было эмоциональное разнообразие. Кто-то злился — на пробки, на работу, на жизнь. Кто-то мечтал — стоя у окна, глядя в темноту, думая

о чём-то своём. Кто-то смотрел на других с любопытством, оценивая, угадывая профессии, судьбы, настроения. Кто-то был счастлив — улыбался, читая сообщение от близкого человека, или просто оттого, что день удался. Кто-то боялся, кто-то скучал, кто-то сердился. Всё это составляло живую ткань города. Это были люди.

Сегодня ничего этого не было.

Две женщины, стоящие рядом. Обе в одинаковых позах, обе смотрят в телефоны. Мужчина в углу вагона сидит с закрытыми глазами, но лицо его расслаблено неестественно, как у человека, который не спит, а просто отключился. Школьник с рюкзаком стоит у двери, но глаза не двигаются. Смотрит в одну точку на стене, и только тихое покачивание поезда говорит о том, что он не статуя.

Макс провёл рукой по лицу, пытаясь смахнуть наваждение. Потом достал телефон и начал записывать.

Наблюдение #3. 08:31. Вагон метро.

"Эмоциональный диапазон отсутствует. Все лица нейтральны. Нет улыбок. Нет нахмуренных бровей. Нет зевков. Нет раздражения. Все — как одна эмоциональная плоскость."

Убрав телефон в карман почувствовал, как внутри нарастает тревога. Липкая, тягучая, она заполняла грудную клетку, как холодная вода. Он слышал гул — тот самый, который появился ещё утром. Теперь он стал громче. Шёл не извне, а изнутри, из самой глубины его сознания. Это было не просто

ощущение — это был звук, который он почти мог разобрать.

"Что-то здесь не так", — подумал он. — «Это не нормально. Это не может быть нормально».

Вышел на "Нахимовском проспекте" и направился к университету.

Университет встретил тишиной. Непривычной, неестественной, которая не бывает в здании, где учатся тысячи студентов. Обычно здесь всегда был шум. Гул голосов в коридорах, смех в холле, громкие споры у досок объявлений, крики «привет» через всю лестницу. Здесь была ключом жизнь — молодая, громкая, безалаберная но такая живая и весёлая.

Сегодня было тихо. Так тихо, что Макс слышал звук своих собственных шагов. Они отдавались от стен, как в пустом коридоре. Он прошёл мимо группы студентов, сидящих на скамейках у окна. Трое парней и две девушки. Все смотрели в телефоны. Никто не разговаривал. Никто не смеялся. Никто даже не повернул головы, когда он проходил мимо. Они сидели неподвижно, как манекены.

Макс прошёл мимо столовой. Обычно там стояла очередь и шум — кассирши перекликались, студенты обсуждали меню, кто-то звал друзей. Сегодня там было пусто. Несколько человек сидели за столами, и каждый из них смотрел в свою тарелку, не поднимая глаз. Они ели медленно, механически, как едят люди утратившие интерес к жизни.

Он вошёл в аудиторию, где проходила лекция по социологии масс. Это была его специальность. Он знал этот курс

наизусть, знал преподавателя — профессора, который читал лекцию уже двадцать лет. Студенты сидели за партами, их лица были опущены к тетрадам. Преподаватель что-то рассказывал, его голос звучал ровно, монотонно, без привычных отступлений и шуток.

Макс сел в последний ряд, на свободное место у окна. Он смотрел на студентов, и то, что он видел, заставляло его внутренности сжиматься от страха.

Они писали. Все. Одновременно. Одинаково.

Не было ни одного, кто бы отвлёкся. Никто не смотрел в телефон. Никто не переговаривался шёпотом. Никто не зевал и не откидывался на спинку стула. Они все сидели с одинаковым наклоном головы, с одинаковым изгибом спины, с одинаковыми движениями рук, выводили строки. Как будто их телами управлял один и тот же невидимый дирижёр.

Макс достал телефон и записал:

Наблюдение #4. 09:15. Лекция по социологии масс.

"Все студенты пишут с одинаковой скоростью. Одинаковый наклон головы — примерно 25 градусов. Одинаковое положение плеч. Одинаковая амплитуда движения руки. Никто не смотрит на преподавателя. Никто не задаёт вопросов. Никто не отрывается от тетради. Как будто они — копии одного и того же человека".

Макс смотрел на них и пытался вспомнить, было ли так раньше. Он видел эту аудиторию сотни раз. Видел её живой, шумной, наполненной разными голосами. Видел, как одни

студенты едят быстро, другие — медленно, как кто-то рисует на полях, кто-то слушает в наушниках, кто-то откровенно спит, не скрывая этого. Это была норма. Это были люди. *Нет*, — ответил он себе. — *Раньше они были разными.*

Лекция закончилась. Студенты начали собирать вещи — но всё так же синхронно. Они закрывали тетради, убирали ручки, вставляли. Как будто по команде. Макс не выдержал. Подошёл к преподавателю, старому профессору, который уже начал собирать свои бумаги. Тот поднял голову — взгляд его был рассеянным, как будто он только что проснулся.

— Здравствуйте, — сказал Макс. — У меня вопрос. Вы заметили какие-то изменения в поведении студентов за последнее время?

Профессор посмотрел на него. На его лице не было никакого выражения, только лёгкая усталость.

— Изменения? — переспросил он, как будто ему потребовалось время, чтобы осмыслить вопрос. — Нет. Всё как обычно.

— Как обычно? — Макс не мог скрыть удивления. — Вы не заметили, что они стали более... одинаковыми? Что они не разговаривают, не спорят, не смеются?

Профессор пожал плечами. Движение было медленным, почти неохотным.

— Молодёжь всегда была такой, — сказал он. — Они сидят в телефонах, ничего не слышат. Это возраст.

Макс хотел возразить, сказать, что это не возраст, что это что-то другое, что он видел эти же студенты месяц назад, и они были другими. Но слова застряли в горле. Он смотрел на профессора, и в его глазах была та же пустота, что и у студентов. Как будто он тоже стал частью этой одинаковости.

— Спасибо, — сказал Макс тихо.

Повернулся и вышел из аудитории. В коридоре было тихо. Он остановился у окна и посмотрел на город. Серый, плоский, безликий. Как и люди, которые его населяли.

"Что происходит?" — прошептал он.

Внутри него пульсировал гул. Тонкий, но настойчивый. Он пытался что-то сказать.

И Макс знал — он должен понять, что именно.

В обед Макс пошёл в столовую. Ноги сами принесли его туда — по привычке, по расписанию, которое он не менял уже два года. Обычно в это время здесь стоял гул: звон посуды, громкие голоса, смех, шум передвижения. Сегодня было тихо. Непривычно тихо.

Очередь была длинная — человек тридцать, не меньше. Но она двигалась быстро, потому что никто не задерживался у раздачи, никто не выбирал, не разглядывал меню. Люди брали подносы, брали еду, оплачивали и шли к столам. Всё механически, без лишних движений. Никто не разговаривал. Никто не смотрел по сторонам. Все смотрели в телефоны.

Макс тоже взял поднос. Он был пластиковым, с трещиной на углу, и слегка пружинил под пальцами. Он чувство-

вал запах еды — варёной капусты, жареной рыбы, хлеба, — но он казался каким-то плоским, безжизненным, как будто вкус выветрился из самого воздуха. Встал в конец очереди.

Перед ним стоял молодой парень — студент, примерно двадцати лет. Он был одет в простую толстовку с капюшоном, на голову натянут, хотя в помещении было тепло. Парень смотрел в телефон. Экран был ярким, на нём мелькали картинки, текст, реклама.

Макс заглянул через плечо, сам не зная зачем. Он просто хотел понять, что люди видят в своих экранах, что заставляет их смотреть так пристально, не отрываясь.

Парень листал ленту. Его палец двигался механически — вверх, вниз, вверх, вниз. Он не останавливался на постах. Не читал заголовки. Не рассматривал фотографии. Просто листал. Как будто сам процесс скроллинга был самоцелью.

Макс смотрел на этот палец. Движения были ровными, без задержек, без пауз. Как у машины. Он вдруг осознал, что парень не ищет информацию. Он не развлекается. Он не общается. Он просто выполняет ритуал.

— Интересно? — спросил Макс.

Голос его прозвучал громко в тишине. Парень вздрогнул — едва заметно, как будто его выдернули из транса. Он медленно поднял голову. Глаза его были стеклянными. В них не было осмысленности.

— Что? — переспросил он. Голос его был равнодушным, как будто вопрос не имел значения.

— Телефон, — сказал Макс, стараясь говорить ровно. — Что-то интересное?

Парень посмотрел на экран, потом снова на Макса. Его лицо оставалось неподвижным, только брови слегка приподнялись — жест, который означал не удивление, а скорее механическую реакцию.

— Не знаю, — ответил он. — Я просто смотрю.

Он отвернулся и снова уставился в экран. Палец снова начал двигаться. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Как будто разговора не было.

Макс стоял, глядя на него. Внутри него поднималась тревога. Она была липкой, как болотная вода. Он достал телефон и открыл заметки.

Наблюдение #5. 12:04. Университетская столовая.

"Люди не потребляют контент. Они просто смотрят. Экран стал не средством получения информации, а ритуалом. Как будто им нужно просто смотреть в него. Свет от экрана стал заменой жизни, заменой внимания, заменой общения. Они не видят того, что на экране. Они просто смотрят, чтобы не смотреть друг на друга".

Убрал телефон. Очередь продвинулась. Макс взял поднос и пошёл к столу.

После обеда пошёл в библиотеку. Нужно было найти старые статьи о коллективном поведении. Необходимо было сравнить данные — то, что текущей обстановки, с тем, что было раньше. Может быть, найдётся объяснение. Может это

даст хоть какие то намёки, что происходит.

Библиотека находилась на втором этаже старого корпуса. Читальный зал представлял из себя — большое помещение с высокими потолками и длинными столами. Здесь всегда пахло бумагой, а тишина была — естественной и уютной. Сегодня эта тишина была другой. Давящей, гнетущей. Как будто воздух стал плотнее.

Макс остановился у входа и оглядел зал.

Все компьютеры были выключены. Они стояли на столах. Чёрные, холодные, безжизненные. Мониторы были тёмными, и в этой темноте отражался серый свет из окон.

Студенты сидели за столами. Держали в руках книги, старые, из библиотечного фонда, с потёртыми обложками и жёлтыми страницами. И перелистывали их — медленно-медленно, одну страницу за другой. Но никто ничего не конспектировал. Никто не делал пометок. Они просто сидели и перелистывали страницы. Читали? Или просто смотрели на буквы, как смотрели на экраны телефонов?

Макс подошёл к ближайшему столу. За ним сидела девушка лет девятнадцати, в очках, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост. Перед ней лежала открытая книга. Она смотрела на страницу, но её глаза не двигались. Не читала! Она просто смотрела.

Макс наклонился чуть ближе, чтобы увидеть название книги. Это был учебник по истории России — толстый, потёртый, с закладкой на середине. Девушка уже перелистнула

страницу. И снова остановилась. Её палец лежал на странице, но не двигался. Она не водила им по строкам. Она просто держала его там, как будто ждала команды.

— Извините, — тихо сказал Макс.

Девушка не подняла головы. Она продолжала смотреть в книгу. Её дыхание было ровным, поверхностным. Она не моргала.

— Извините, — повторил он громче.

Она вздрогнула всем телом, как будто её выдернули из глубокого сна, как будто она не слышала ничего вокруг себя целую вечность. Медленно повернула голову. Её взгляд был отсутствующим, стеклянным, но в нём уже начинала проступать осознанность. Она моргнула раз, другой, пытаясь сфокусироваться на лице Макса.

— Что? — спросила она. Голос её был хриплым, как у человека, который долго молчал.

— Вы читаете? — спросил Макс, стараясь говорить мягко.

Девушка посмотрела на книгу, потом снова на него. Её лицо начало меняться — на нём появлялось выражение, которого не было раньше. Сначала недоумение. Потом лёгкая тревога.

— Да, — сказала она, но голос её звучал неуверенно, как будто она сама не была в этом убеждена. — Читаю.

— О чём? — спросил Макс.

Она на мгновение задумалась. Её глаза перебежали по

странице, пытаясь ухватить смысл. Брови её нахмурились. Она смотрела на буквы, но они очень медленно складывались в слова.

— О истории, — сказала она, но в голосе её появилась неуверенность. — О России... кажется.

— Что вы запомнили? — спросил Макс.

Она снова посмотрела на страницу. Её палец скользнул по строкам, пытаясь ухватить хоть что-то. Явно читала про себя, шевелила губами, но на лице росла тревога. Перевернула страницу назад, потом ещё одну. Её дыхание участилось.

— Я не помню, — сказала она, и в голосе появился страх. Она подняла глаза на Макса, и в них уже не было стеклянной пустоты. Только испуг. — Я... я не помню, что я читала. Вообще ничего. Я смотрела на буквы, но... они не имели смысла. Как будто я просто смотрела на них. Но я ничего не запомнила. Ни строчки.

Она захлопнула книгу. Звук был громким в тишине читального зала. Она оттолкнула её от себя, как будто она была опасной.

— Я не понимаю, — сказала она. Голос её дрожал. — Я сижу здесь уже час. Может, больше. Я читала эту книгу. Я точно читала её. Но... я не могу вспомнить ни одного слова. Ничего.

Она посмотрела на свои руки, которые начали дрожать.

— Что со мной? — спросила она, и в голосе её был настоящий ужас.

Макс хотел сказать ей что-то успокаивающее. Хотел сказать, что это просто усталость, что всё будет хорошо. Но не хотел. Потому что он понимал: никакая это не усталость.

— Я не знаю, — честно ответил он.

Она смотрела на него, и в её глазах был страх, который он чувствовал и внутри себя. Страх перед тем, что происходит. Перед тем, что не возможно объяснить.

Макс отошёл от стола и вышел из читального зала. Сердце его колотилось. Мысли метались.

Он остановился в коридоре и открыл заметки. Пальцы дрожали, когда он печатал.

Наблюдение #6. 12:45. Университетская библиотека. Читальный зал.

"Компьютеры выключены. Все сидят с книгами. Никто ничего не конспектирует. Люди не читают — они смотрят на страницы, как на экраны телефонов. Это уже не способ получения знаний. Это ритуал. Им нужно, чтобы буквы были рядом. Им нужно чувствовать книгу, перелистывать страницы. Но смысл не важен. Важен только процесс".

Он убрал телефон и посмотрел в окно. За стеклом был точно такой же серый город. Люди, похожие на пустые оболочки, шли по улицам, не поднимая голов.

"Что происходит?" — спросил он снова. Но голос в голове молчал. Только гул, всё тот же фоновый гул. Ощущение было что он нарастает.

Макс подошёл к библиотекарше.

— Извините, — сказал он. — Почему сегодня все такие? Женщина посмотрела на него. Её глаза были такими же пустыми.

— Они читают, — ответила она.

— Но вы разве не видите, что что-то не так?

Но женщина уже отвернулась и начала переставлять книги на полке. Её движения были механическими. Как у бездушной куклы.

Тогда Макс решил провести опрос среди студентов, который занял у него целый день.

Вечером Макс вернулся домой. Квартира встретила его холодом и полумраком — шторы были задёрнуты с утра, и за день воздух успел застояться. Щёлкнул выключатель, лампа на столе зажглась, выхватив из темноты знакомый хаос: стопки книг на полу, разбросанные тетради, пустые чашки.

Сел за стол, включил компьютер. Экран засветился, отразив уставшее лицо, бледное, с резкими тенями под глазами. Пальцы пробежали по клавиатуре, открывая старые исследовательские папки.

Три года назад, ещё на втором курсе, Макс провёл эксперимент: просил студентов в течение дня записывать свои эмоции несколько раз в день. Тогда результаты были живыми, полными красок. Гнев, радость, грусть, волнение, страх, надежда — всё это перемешивалось, создавая сложный, многослойный портрет молодого человека. Тогда он гордился работой — она была честной, настоящей.

Теперь открыл свежие данные, собранные за последний день. Те же вопросы, такие же студенты. Статистика выстроилась в столбцы, и Макс уставился в монитор, не веря цифрам.

Эмоциональный профиль респондентов (2024 г.):

94% — "нейтральное настроение"

3% — "лёгкая усталость"

2% — "тревога"

1% — "радость"

Недоумение сменилось холодом. Макс пересчитал. Обновил данные. Снова 94%. В здоровом обществе нейтральное настроение не может превышать 30%. Здесь — почти абсолют. Как будто эмоции выключили, как ненужный прибор.

Пальцы замерли над клавиатурой. Он знал: такого быть не может. Либо сломана методология, либо... либо что-то действительно меняет людей. Что-то невидимое, но вполне реальное. Методика опроса была верной, тут не могло быть ошибки. И оставался только один пугающий вывод.

Макс откинулся на спинку стула, провёл рукой по лицу. В голове шумело, мысли путались. Нет, он не мог ошибиться. Он проверил анкеты, опрашивал тех же студентов, использовал те же шкалы. Всё чисто. Только цифры — жуткие, неправильные.

Взгляд упал на "Книгу Молчания", лежавшую рядом с ноутбуком. Кожаный переплёт, тёмный, с потёртостями. Макс взял её, открыв наугад, и глаза сами нашли строки, написан-

ные чётким, каллиграфическим почерком неизвестного хранителя:

"Она забирает эмоции, когда они повторяются слишком часто. Она выравнивает их, как вода выравнивает дно озера. И когда все становятся одинаковыми — она может говорить с ними одновременно"

Прочитал дважды. Слова оседали в сознании, как капли холодной воды. Это не было совпадением. Кто-то, живший сто, двести, пятьсот лет назад, описывал то же самое. Описывал то, что Макс видел своими глазами.

Книга захлопнулась с глухим стуком. Макс уставился на часы — 23:47. Скоро полночь, но сна не было ни в одном глазу. Мысли метались, обрывки наблюдений, цифры, лица студентов, пустые глаза в метро — всё смешалось, спрессовалось в тугую ком тревоги.

Ночь прошла в тягучем маятнике между бодрствованием и забытьём. Макс вставал из-за стола, садился на край кровати, снова поднимался. Шторы не двигались, настенные часы отсчитывали секунды с равнодушной точностью. Тело требовало отдыха, но разум отказывался отключаться.

Он снова включил ноутбук, открыл файл с наблюдениями. Страницы заметок, начатых утром, теперь казались бессмысленными: Макс перечитал их и не мог понять, что именно искал. Словно все выводы ускользали, оставляя только одну уверенность — происходящее выходило за рамки обычного.

В какой-то момент Макс очередной раз попытался лечь спать, накрылся пледом, закрыл глаза. Темнота была плотной, давящей. И тут он услышал гул. Не ушами — телом. Вибрация поднималась откуда-то изнутри, заполняла грудную клетку, заставляла зубы слегка вибрировать. Не звук, а толчки, как пульс чего то огромного и невидимого.

Он прислушался. В этом гуле проступали обрывки звуков — не слова, а скорее интонации. Кто-то пытался до него достучаться, но язык был чужим, а смысл — неуловимым.

Внезапно, как удар молнии поразившие его прямо в мозг, на тумбочке завибрировал телефон — резко, громко, вырывая из оцепенения. Макс схватил его, посмотрел на экран. Сообщение от Ромы, пришло в 00:47:

"Приходи завтра в лабораторию. Я нашёл кое-что странное. Нейросеть выдает данные, которых не должно быть..."

Макс перечитал сообщение несколько раз. Пальцы похолодели. Пазл в его голове сложился — эксперимент не был провалом. Рома что-то сделал. Что-то, что запустило этот механизм. Они — Макс и Рома — оказались причастны к переменам, которые Макс наблюдал весь день.

Сердце забилося чаще. Ответ набирался сам собой, без раздумий:

"Я приду"

Телефон отброшен в сторону. Макс снова открыл заметки и записал свежее наблюдение, хотя времени на часах было уже за полночь:

Наблюдение #7. 03:15. Моя квартира.

"Гул усиливается. Это не звук — это вибрация внутри. В нём есть структура, но я не могу разобрать слова. Чувствую, что он связан с экспериментом. Завтра скажу Роме — нужно остановиться, пока не поздно".

Закрыл ноутбук, снова лёг. Глаза слипались, но тело не расслаблялось.

Сон пришёл неожиданно, как провал в темноту. Макс перестал чувствовать кровать, комнату, себя. Вокруг появилось пространство — серое, безграничное, без верха и низа. Он парил в этой пустоте, не касаясь ничего.

Потом возникли голоса. Множество голосов, шепчущих в унисон. Сначала неразборчиво, затем всё отчётливее. Макс пытался вслушаться, и в какой-то момент слова стали понятны:

"Ты уже слышишь нас..."

Он попытался ответить, но язык не слушался. Голоса становились громче, они сплетались вокруг, пронизывали его, становились частью его самого.

"Ты — часть нас..."

Макс хотел крикнуть, вырваться, проснуться. Но тело оставалось неподвижным, как у того человека из пещеры Ласко. Сзади поднималась тень, густая, прохладная, обволакивающая плечи. Он не видел её но чувствовал всем телом. Она не душила — она просто была рядом, ожидая, когда он перестанет сопротивляться.

И тогда Макс услышал ещё один голос, отчётливый и знакомый. Голос Ромы, но чужой, без интонаций, ровный как линия на экране осциллографа:

"Он идёт..."

Сон оборвался резко, как обрыв плёнки. Макс открыл глаза. Комната была прежней: те же шторы, тот же полумрак, но воздух казался тяжелее, плотнее, словно кто-то только что выдохнул рядом морозное облако.

Он сидел на кровати, сжимая край пледа. Дыхание выровнялось, но гул остался. Он пульсировал внутри, тонкий, настойчивый. Макс провёл рукой по лицу — лоб был влажным.

В комнате никого не было. Но он знал: он не один. Что-то осталось с ним, когда пришёл сон. Что-то, что теперь жило внутри.

Сколько бы не пытался больше уснуть он так и не смог. Так и пролежал в полузабытии.

Пальцы снова потянулись к "Книге Молчания". Он открыл её на странице с записями Савельева, ещё раз перечитал слово на полях — «Х-Фон». Теперь оно казалось не просто именем. Оно было ключом.

Он положил книгу на стол. Взял телефон с одним не отправленным сообщением, которое ожидало его решения:

«Я всё понял. Мы не провалили эксперимент. Мы разбурили что-то».

Макс ещё раз пересмотрел набранный текст, обдумал секунду и удалил. Не время. Сначала нужно увидеть Рому, по-

нять, что на самом деле произошло в той лаборатории.

Внутри опять ощущался тот же гул — тихий, но настойчивый. И Макс понимал: это только начало.

УТРО ХМУРОГО ДНЯ

Макс встал рано, часы показывали 06:00. Присутствовала головная боль и усталость, сказывалась тяжелая ночь. Голова гудела.

Утро встретило серым, безжизненным светом, который просачивался сквозь щели в шторах. Макс открыл глаза, и первое, что почувствовал, — тяжесть в голове. Пульсирующая боль в висках, сухость во рту, ломота в теле, будто всю ночь таскал мешки с песком. Встал, механически поплёлся в ванную. Вода казалась слишком холодной, полотенце — слишком жёстким. Движения были неторопливыми, почти сонными, но голова хоть и со скрипом работала, хотя уже начинала гудеть — гул внутри становился привычным, почти родным. И это пугало ещё больше.

Подошёл к зеркалу, посмотрел на своё отражение. Лицо бледное, под глазами залегли тёмные круги — результат бессонной ночи, метаний между столом и кроватью, попыток поймать сон, который ускользал. Взгляд тусклый, безжизненный. Показалось, что отражение смотрит на него чуть дольше, чем нужно когда он отводит взгляд от зеркала. Или это просто игра света?

Макс провёл ладонью по щеке — щетина уже ощутимо кололась, он забыл побриться. Рука двигалась послушно, автоматически, как у механизма. Заметил это, замер, глядя на своё отражение. Оно смотрело в ответ, не мигая. И в этом взгляде проступала странная отстранённость, словно он смотрел на чужого человека. Или словно кто-то смотрел на него изнутри.

Нужно было записать это. Рука сама потянулась к телефону, и Макс открыл заметки снова перечитал их и добавил новое:

Наблюдение #6. 06:15. Моё отражение.

"Замечаю, что движения становятся механическими. Утром не думал, что буду делать. Просто делал. Как будто программу уже записали. Ощущение — это не моя мысль. Я знаю, что это не моя мысль. Это пугает. Я должен запомнить это чувство".

Пальцы замерли над экраном. Он смотрел на текст, и строчки казались ему чужими, написанными кем-то другим. Кем-то, кто знал больше, чем он сам. Или кем-то, кто уже начинал говорить через него.

Телефон пискнул. Сообщение от Ромы:

"Ты идешь? Я жду"

Машинально ответил:

"Иду"

Наскоро позавтракал — налил в кружку холодный чай, отпил, не чувствуя вкуса. Жевание хлеба казалось бессмыслен-

ным, тело требовало еды, но сознание было где-то далеко. Собрал рюкзак, закинул туда «Книгу Молчания», ноутбук, телефон. Накинул куртку, застегнул на ходу — и щелкнув выключателем, замер у двери.

Рука уже лежала на ручке, но он не поворачивал её. Внутри нарастала странная тишина, которая предшествует грозе. За спиной, в полумраке прихожей, что-то изменилось. Он не видел, но чувствовал — воздух стал плотнее, тяжелее, как перед дождём. Тени были практически материальны, ещё секунда и они начнут двигаться сами по себе.

— Я иду, — прошептал Макс, хотя рядом никого не было.

Рука повернула ручку, дверь открылась, впуская холодный утренний воздух. Он шагнул на лестничную клетку, и тишина осталась позади. Только гул остался внутри, пульсирующий, ровный, настойчивый. Мысль не покидала: то, что ждало его в лаборатории, изменит всё.

Дверь захлопнулась за спиной. Шаги гулко отдавались в пустом подъезде.

ГЛАВА 4 "ТИХАЯ ЭПИДЕМИЯ"

Макс спустился на улицу, и город встретил его всё той же серостью. Небо висело низко, как бетонная плита, и давило на крыши домов. Влажный воздух пах дымом и мокрым асфальтом. Люди шли по тротуарам с опущенными головами, их лица были скрыты под капюшонами или за тёмными стёклами очков. Никто не смотрел по сторонам, никто не задерживался у витрин. Они просто двигались, как части единого механизма, под названием «город», перетекающего из точки А в точку Б.

Остановился у неприметной дверцы продуктового магазина — между парикмахерской и ломбардом. За стеклом увидел полупустые полки, тусклый свет, одинокая фигура продавщицы за кассой. Он толкнул дверь, и та открылась с дребезжащим звоном колокольчика.

Внутри было тихо и безлюдно. Только продавщица стояла за кассой, уставившись в пустоту перед собой. Руки лежали на стойке неподвижно, тело застыло. Глаза её смотрели в одну точку на противоположной стене, где висело старое объявление о скидках.

— Здравствуйте, — сказал Макс.

Секунда, другая — продавщица не ответила. Даже не моргнула.

— Я хотел бы купить вон ту булочку, — повторил Макс

громче, показывая на витрину.

Продавщица медленно повернула голову. Движение было неестественно плавным, как у механизма, получившего команду. Она взяла булку с полки, положила на кассу, и её рука замерла рядом с товаром.

— Пятьдесят рублей, — голос прозвучал ровно, без интонаций, полностью без эмоций.

Макс расплатился, протянул купюру. Продавщица взяла её, опустила в ящик, даже не взглянув на сдачу. Она просто смотрела в стену, как будто Макса не существовало. Благодарности не последовало. Вопросов о пакете или сдаче тоже.

Макс взял булку, вышел на улицу. В руках была тёплая выпечка, но он не чувствовал её веса. Только холод внутри. Достал телефон, записал:

Наблюдение #7. 08:15. Продуктовый магазин.

"Продавщица не смотрит в глаза. Не говорит лишних слов. Движения механические. Она не спросила, нужен ли мне пакет. Не спросила, есть ли у меня сдача. Она просто выполнила действие. Как робот, кукла которой дали команду."

Убрал телефон в карман и пошёл в университет.

В коридоре университета Макс встретил Елену Викторовну — профессора психологии, с которой они иногда пересекались на кафедре. Она была одной из немногих, кто ещё казался живым: в её глазах читалась тревога, а движения были отрывистыми, нервными, как у человека, который пытается удержать равновесие на краю пропасти.

— Елена Викторовна! — окликнул её Макс.

Она вздрогнула и резко обернулась. В глазах мелькнула тревога — та самая, которую он видел утром в зеркале. Та, что появляется, когда привычный мир начинает давать трещины.

— Максим! — отозвалась она, подходя ближе.— Добрый день. Хорошо, что ты здесь.

— Вы не заметили ничего странного в студентах? — спросил он без предисловий, чувствуя, что время на церемонии уходит.

Елена Викторовна посмотрела на него, и в её взгляде Макс прочитал облегчение — как будто она ждала этого вопроса. Как будто боялась, что никто не заметит. Она оглянулась по сторонам, понизила голос до шёпота.

— Заметила. Они перестали мечтать.

Макс нахмурился.

— В смысле?

— Я провела опрос, — сказала она, и голос её немного дрогнул. — Обычный, рутинный опрос. Спросила студентов, о чём они мечтают, какие у них планы, цели. Раньше они писали разное: путешествия, деньги, семья, карьера, творчество, даже что-то абсурдное, что показывало их личность. А сейчас... сейчас они пишут одно и то же. «Не знаю». «Я не думаю об этом». «У меня нет желаний». Девяносто процентов, Макс. Девяносто процентов не могут сказать, чего хотят.

Она замолчала, сглотнула. Пальцы её сильнее сжали бу-

маги.

Макс почувствовал, как внутри всё сжалось. Слова Елены Викторовны совпадали с его наблюдениями — и это совпадение было страшнее, чем ошибка в данных.

— Они перестали мечтать, — повторила она, глядя на него с надеждой, смешанной со страхом. — Это неестественно. Это не может быть просто депрессией или сезонной апатией. Как будто кто-то выключил часть их мозга. Ту часть, что отвечает за желания. За будущее. За надежду.

Она подняла глаза на Макса, и в них он увидел не просто тревогу — он увидел панику. Она искала в нём подтверждение того, что не сошла с ума. Что это не просто её воображение.

— Ты ведь тоже это заметил, правда? — спросила она, и голос её был почти умоляющим. — Ты ходишь по коридорам, смотришь на них, и ты видишь то же самое?

Макс почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он хотел сказать «нет», хотел успокоить её, сказать, что это всё просто совпадение, что студенты устали, что осень, что сессия. Но он не мог. Потому что она была права.

— Да, — сказал он, и слово прозвучало тяжело, как приговор. — Я вижу то же самое.

Она выдохнула — не облегчённо, а скорее с отчаянием, как человек, который надеялся, что ошибался, но получил подтверждение страшного диагноза.

— Что-то происходит, Максим — сказала она. — Что-

то меняет их. Меняет нас. Я чувствую это. Я чувствую, что внутри меня самой становится пусто. Как будто кто-то высасывает чувства, оставляя только оболочку.

— Я не знаю, — ответил он честно. — Но я проверяю одну гипотезу.

— Какую?

Макс помедлил. Слова застревали в горле — слишком безумно, слишком нелепо звучало то, что он собирался сказать. Но ему самому было необходимо сказать это хоть кому-то. И она была единственной, кто, возможно, поймёт.

— Что мы не одни в своих головах, — сказал он.

Елена Викторовна побледнела так сильно, что казалось, сейчас упадёт в обморок. Бумаги в её руках дрогнули.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала она.

Но ответить он не успел. Телефон завибрировал в кармане — резко, настойчиво. Макс достал его, взглянул на экран. Сообщение от Ромы:

"Нейросеть начала сама генерировать данные. Приходи сейчас. Это важно"

Макс посмотрел на экран, затем снова на Елену Викторовну. В её глазах застыл вопрос, который он не мог сейчас объяснить. Он не мог рассказать ей о «Книге Молчания», о Тени, о Роме и экспериментах. Не сейчас. Не здесь.

— Я вам перезвоню, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не волнуйтесь. Это просто гипотеза.

Но это уже была больше не гипотеза. Это уже реальность.

Макс вышел из университета и поймал такси до МФТИ. Стекло было холодным, город проплывал за окном серыми разводами, и он смотрел на него, не видя. В голове крутились слова Елены Викторовны: «Они перестали мечтать». Это было страшнее, чем пустые глаза, чем одинаковые лица. Мечты — это то, что делает человека человеком. Если они исчезают, значит, исчезает и сам человек.

Водитель что-то говорил о пробках, Макс делал вид что слушает, не слыша. Гул внутри становился всё более отчётливым, его уже не получалось списать на простые иллюзии. Теперь он постоянно замечал его — гул стал частью этого мира, как дыхание, как стук сердца. Но он становился сильнее.

Машина остановилась у старого корпуса МФТИ. Макс расплатился, вышел. В лицо ударил холодный осенний ветер. Поднялся по знакомой лестнице на третий этаж, прошёл по длинному пустому коридору. Ноги несли сами, без участия сознания.

Лаборатория выглядела так же, как всегда. Те же серверы, мерцающие огоньками, те же мониторы, те же кабели, свисающие с потолка. Воздух плотный, тяжелее, как будто в нём растворили невидимую субстанцию. И этот запах — озон, нагретый металл и что-то ещё, что он не мог определить. Что-то живое.

Рома стоял перед монитором, широко улыбаясь. Глаза его горели тем же лихорадочным светом, что и в ту ночь, когда

эксперимент пошёл не по плану. Он держал планшет в руке, и на экране бежали строки данных — цифры, графики, коды. Рома повернулся к Макс, и в его движениях чувствовалась нервная энергия человека, который не спал уже вторые сутки.

— Ты пришёл! — воскликнул он, и голос его звучал почти празднично. — Смотри, что она делает. Смотри!

Макс подошёл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.